

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ
международных
отношений

Первые Ковалевские чтения

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

24-26 сентября 2018 г.
г. Казань

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Казань – Санкт-Петербург

Казанский федеральный университет
Институт международных отношений
Институт восточных рукописей
Российской академии наук

Kazan Federal University
Institute of International Relations
Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts

*Посвящается 185-летию создания
кафедры монгольской словесности в Казани*

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ
международных
отношений

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Первые Ковалевские чтения

24-26 сентября 2018 г.
г. Казань

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Казань – Санкт-Петербург
2018

УДК 39
ББК 63.5
П26

Составители:

И.В. Кульганек, А.Р. Аликберова, Р.М. Валеев

Первые Ковалевские чтения: тезисы материалов международной научной конференции, посвященной 185-летию создания кафедры монгольской словесности в Казани (24-26 сентября 2018 г.). – Казань: Изд. АН РТ, 2018. – 94 с.

ISBN 978-5-9690-0453-5

DOI 10.25882/96n9-nb96

Подписано в печать 20.09.2018. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура TimesNewRoman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,46. Тираж 70 экз. Заказ № 20.09/18-1.

Издательство Академия наук Республики Татарстан
420111 г. Казань, ул. Баумана, 20

ISBN 978-5-9690-0453-5

© К(П)ФУ, 2018
© Изд-во АН РТ, 2018

Организаторы: Институт международных отношений Казанского федерального университета. Институт восточных рукописей РАН

**Научное мероприятие выполнено в рамках гранта РФФИ,
17-01-00209/17- ОГН «Научное наследие российских
востоковедов XIX века: О.М.Ковалевский и В.П.Васильев»**

При поддержке: Администрации г. Казани и Академии наук РТ

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Сопредседатели:

Директор Института международных отношений	Р.Р. Хайрутдинов
Директор Института восточных рукописей РАН	И.Ф. Попова

Научные руководители конференции:

Профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений	Р.М. Валеев
Зав. сектором Центральной Азии ИВР РАН	И.В. Кульганек

Члены оргкомитета:

Директор Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института меж- дународных отношений	А.Г. Ситдинов
Профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений	Д.Е. Мартынов

Секретарь конференции:

Зав. кафедрой алтаистики и китаеведения Инсти- тута международных отношений	А.Р. Аликберова
--	-----------------

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Заседания будут проходить в Институте международных отношений
Казанского федерального университета
г. Казань (ул. Пушкина, д.1/55)

23 сентября 2018 г., воскресенье

Заезд и размещение участников конференции

24 сентября 2018 г., понедельник

- 9.00 – 11.00 – Регистрация участников (ул. Пушкина, д.1/55, 1 этаж)
- 9.00 – 9.45 – Экскурсия по этнографическому музею КФУ (ул. Кремлевская, д.18)
- 9:50 – 10:30 – Посещение Отдела редких рукописей Казанского университета (ул. Кремлевская, д.18, внутренний дворик)
- 11.00 –13.00 – Открытие конференции. Утреннее заседание (ул. Пушкина, д.1/55, 5 этаж, Александровский зал)
- 13.00 –14.00 – Обед (ул. Пушкина, д.1/55, 1 этаж)
- 14.00 –16.30 – Дневное заседание (ул. Пушкина, д.1/55, 5 этаж, Александровский зал)
- 16.30 –16.45 – Кофе-брейк (ул. Пушкина, д.1/55, 1 этаж)
- 16.45– 18.00 – Вечернее заседание (ул. Пушкина, д.1/55, 5 этаж, Александровский зал)
- 18:20– 20:00 – Экскурсия по Старо-Татарской слободе с посещением Дома купца Муллина

25 сентября 2018 г., вторник

- 9.00 – 10:30 – Экскурсия по музею истории КФУ (ул. Кремлевская, д.18)
- 11.00 –13.00 – Утреннее заседание (ул. Пушкина, д.1/55, 5 этаж, Александровский зал)

- 13.00 –14.00 – Обед (ул. Пушкина, д.1/55, 1 этаж)
14.00 –16.00 – Дневное заседание (ул. Пушкина, д.1/55, 5 этаж, Александровский зал)
16.00– 16.30 – Кофе – брейк (ул. Пушкина, д.1/55, 1 этаж)
17.00 –18.00 – Дискуссия «Судьба монгольских рукописей в прошлом и настоящем». Шоу-рум (ул. Нужина, д.1/37)
18:00– 19:00 – Ужин (ул. Университетская, д.16, гостиница «Хаял»)

26 сентября 2018 г., среда

До 12.00 Отъезд участников конференции

Продолжительность доклада с обсуждением – 15 мин.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ
24 сентября 2018 г., понедельник

11.00-13.00 – Открытие конференции. Утреннее заседание
(Актный зал, 501 ауд., 5 этаж)

Председатели: Р.Р. Хайрутдинов, Р.М. Валеев

Приветствия:

директор ИМО КФУ

Р.Р. Хайрутдинов

директор ИВР РАН

И.Ф. Попова

директор ИЯЛИ МАН

Г. Билгуудэй

директор ИИиА МАН

С. Чулуун

Доклады:

О.Н. Полянская О.М. Ковалевский (1801-1878) – ученый, педагог, организатор науки

***И.В. Кульганек,
В.Ю. Жуков*** Монголовед О. М. Ковалевский и его родные: биографический этюд

Г.В. Румак Условия формирования активной гражданской позиции О.М. Ковалевского в школьные и студенческие годы

С.С. Гмир В поисках малой родины О.М. Ковалевского (1800/1801–1878) (по материалам его священнического рода из церковных архивов)

С. Чулуун О.М.Ковалевский в Монголии: путевые заметки и современный имидж

А.Д. Цендина Монгольские сонники: проблема происхождения

13.00–14.00 – Перерыв на обед

14.00–16.30 – Дневное заседание.

Председатель – И.В. Кульганек

- К.В. Орлова* О.М. Ковалевский и документальное наследие монгольских народов
- Д.А. Носов* Изучение фольклора монгольских народов выпускниками Казанской Духовной Академии
- Г. Билгүүдэй* Намеки авантекста в устных традициях в «Тайной истории Монголов»
- Д.Е. Мартынов* Цинская империя в восприятии О.М. Ковалевского (по материалам дневников 1830 – 1831)
- Ю.И. Елихина* Монгольские письменные памятники из коллекции Государственного Эрмитажа.
- П.Л. Гроховский* Монголоведение в Санкт-Петербургском университете
- С.М. Трофимова* Рассадин В.И. (12.11.1939-15.08.2017) и действующая калмыцкая орфография
- Н.С. Яхонтова* Материалы О.М.Ковалевского в рукописном фонде ИВР РАН
- В.Г. Дацышен* О.М.Ковалевский и Пекинская духовная миссия
- Н. Ганбат* Исследование уйгуского городища Бий булаг (по результатам полевых исследований)
- Т.Д. Матишевич,*
В.И. Чикун Увековечение памяти Осипа Михайловича Ковалевского (1801 – 1878) на его малой родине в Большой Берестовице (Беларусь)

16.30–16.45 – Кофе-брейк

16.45 – 18.00 – Вечернее заседание.

Председатель – Н.С.Яхонтова

- В.Л. Успенский* О некоторых источниках «Монгольско-русско-французского словаря» О.М.Ковалевского
- Э. Мунхцэцэг* «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717) – один из источников «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского (1844)
- Н.В. Ямпольская* Об идентификации фрагментов монгольских ру-

- К.В. Алексеев* кописных Ганджуров
Фрагменты «золотого» монгольского Ганджура из Джунгарии в библиотеке Университета Глазго
- Е.Э. Хабунова* Международный научный центр «Культурное наследие монгольских народов» в интеграционном процессе Калмыцкого государственного университета
- Р. Хаутала* Францисканцы и доминиканцы в Золотой Орде: развитие миссионерской деятельности до середины XIV века

25 сентября 2018 г., вторник
11.00-13.00 – Утреннее заседание.
(Актовый зал, 501 ауд., 5 этаж)
Председатель – В.Л. Успенский

- Д.Е. Мартынов*
Р.М. Валеев,
М.С. Минеева,
В.Н. Тугужекова Путешествие Н.Ф. Катанова в монгольский Урянхай (1889 г.) и его материалы о Монголии и Туве
- С.Ш. Аязбекова* Тенгрианская и буддийская космология монголов: опыт сопоставительного анализа
- Л. Цэрэнчимэд* Смысловые особенности парных параллелизмов в некоторых фразеологизмах Бурятского диалекта
- Р.М. Валеев,*
Р.З. Валеева,
Л.М. Сахавова Венгерский монголовед Балинт Габор в Казани: Неизвестные письма Н.И. Ильминскому (1872 – 1874 гг.)
- Б.Д. Бальжинимаева* Способы словообразования традиционной ремесленной терминологии в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках
- Лю Жомэй* О переводе З.Ф. Леонтьевского «История Российского государства»
- Хань Ли* Изучение русского языка в Цинском Китае (к 310-летию юбилею)

Л.Б. Будажапова Семантическое освоение буддийских терминов в бурятском языке

Б.В. Меняев О рукописной коллекции Улан-Хольского хурула (буддийского храма) Калмыкии

13.00–14.00 – Перерыв на обед

**14.00–16.00 – Дневное заседание
Председатель – Д.Е. Мартынов**

Т.А. Пан В.П. Васильев о связях китайского языка со «среднеазиатскими» языками

Б.А. Бичеев Личные коллекции рукописей на «ясном письме» ойратов СУАР КНР: традиция хранения и опасность утраты

Д.Ш. Харанутова К вопросу о структурно-иерархической организации бурятского словообразовательного гнезда

И.М. Миргалеев Джучиды и центральная власть во времена правления хана Угэдея

М.П. Петрова Магический реализм в романе Г. Аюурзаны «Тайны священного Хангая»

Л.Ц. Халхарова Казанский период жизни Доржи Банзарова в романе Ч. Цыдендамбаева «Вдали от родных степей»

И.В. Булгутова Буддийские символы в бурятской лирике

Д.С. Аязбекова Образ Чингисхана в западном кинематографе эпохи постмодерна

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Казань – один из традиционных центров монголоведения в России, и в мире. 185 лет назад – 25 июля 1833 г. – в Императорском Казанском университете была открыта первая в Европе и в мире университетская кафедра монгольской словесности. Возглавил ее только что назначенный профессором Осип Михайлович Ковалевский, который в равной степени принадлежал проблемному полю антиковедения и востоковедения, и разным народам и культурам – польскому, белорусскому и русскому. Такое богатство духовности в одном человеке, который волею судеб оказался в самом центре политических потрясений, в известном смысле транслируется и в нашу современность. В июне 2001 г. в Казани усилиями сотрудников университета, Института языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана, и некоторыми другими институтами, была проведена представительная международная конференция «Наследие О.М. Ковалевского и современность». Весьма отрадно, что многие имена коллег – участников прошлой конференции – представлены и в программе Первых Ковалевских чтений, совместном проекте Института международных отношений Казанского федерального университета и Института восточных рукописей Российской академии наук.

Любой научный форум преследует множество целей, но две из них можно признать важнейшими, как ни парадоксально, – именно в условиях информационного общества. Во-первых, представительные конференции приглашают ключевых специалистов в соответствующей науке, позволяя обмениваться открытиями и идеями, так сказать, «на кончике пера». Вторая функция любой представительной конференции – стимул молодого поколения исследователей. Оргкомитет надеется, что проведения Первых Ковалевских чтений именно в Казани будет являться не просто данью памяти нашему славному прошлому, но и открытием нового измерения славного будущего. Состав участников (а их почти полсотни) впечатляет – представлены крупнейшие монголоведческие центры России, Монголии, Китая,

Казахстана, а также исследователи из Белоруссии, родных мест О.М. Ковалевского.

Желаем всем участникам конференции плодотворной работы, зарождения новых идей и проектов в ходе дискуссий, а также дальнейшего сотрудничества между нашими образовательными и научными организациями.

*Хайрутдинов Р.Р., Ситдинов А.Г.,
Мартынов Д.Е., Аликберова А.Р.*

ТЕЗИСЫ

К. В. Алексеев

DOI 10.25882/9rgw-sh96

Фрагменты «золотого» монгольского Ганджура из Джунгарии в библиотеке Университета Глазго

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, научный проект № 18-012-00376 «“Золотые” рукописные фрагменты из джунгарских монастырей — уникальный источник по истории буддийского Канона в Монголии: комплексное историко-филологическое исследование и подготовка к изданию».

В последнее десятилетие изучение «золотых» рукописных фрагментов, поступивших в российские и европейские книжные собрания в XVIII веке из одного из заброшенных джунгарских монастырей Прииртышья, стало одним из приоритетных направлений исследования генезиса и бытования монгольского Ганджура. Недавно список «золотых» джунгарских фрагментов пополнился тремя листами, хранящимися в библиотеке Университета Глазго.

Эти листы, в числе других рукописных артефактов, были частью коллекции Теофила (Готлиба) Зигфрида Байера (1694–1738), знаменитого синолога и члена Петербургской академии наук в 1726–1737 годах. После смерти ученого его библиотека была несколько раз перепродана и в конечном итоге в 1807 г. оказалась в Университете Глазго.

«Золотые» листы вместе с другими тибетскими и монгольскими рукописными фрагментами хранятся в библиотеке университета под шифром PL61. На футляре с рукописями имеется надпись, сделанная рукой Т. З. Байера, о том, что они поступили из Семи Палат. Такое название в источниках XVIII века получил монастырь Дархан-цорджи (монг. *Darqan čorjī-yin keyid*), возведенный джунгарами на правом берегу р. Иртыш к 1954 году.

Кодикология и палеография листов из Глазго позволяют отнести их к тому же списку Ганджура XVII века, что и остальные «золотые» джунгарские фрагменты, хранящиеся в других рукописных собраниях. Работа по идентификации листов показала, что они содержат фрагменты монгольских переводов трех канонических сочинений —

«Хеваджра-тантры», «Шатасahasрика-пруджняпарамита-сутры» и «Виная-васту». Сличение текста «золотых» листов из Глазго с полным списком канонического сборника, хранящимся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ, позволяет предположить, что «золотые» листы принадлежат к старшему списку монгольского Ганджура.

Дж.С. Аязбекова

DOI 10.25882/vrcc-z927

Образ Чингисхана в западном кинематографе эпохи постмодерна

Период после Второй мировой войны характеризуется формированием в Западной Европе новой культурной парадигмы - постмодерна, охватившего вследствие глобализации многие страны мира. Изменения коснулись практически всех сфер общества – политики, международных и общественных отношений, экономики и идеологии. Философия и культура постмодерна изменила литературу, живопись, театр и кино, определив новые стилистические принципы, композиционные и драматургические особенности.

Девальвация ценностей и смыслообразующих центров привели к возникновению идеи множественности и плюрализма, к разрушению оппозиции «Запад и Восток» в контексте «свой» - «чужой». Не случайно поэтому, А.Тойбни, впервые вводя понятие «постмодернизм», видел в нем этап европейской культуры, сущность которого состоит в переходе политики, опирающейся на национально-государственное мышление к глобальным международным отношениям.

Кинематограф эпохи постмодерна во всей полноте отразил эту смену культурных парадигм и смог стать, как никакой другой вид искусства, одной из форм поиска новой реальности, в которой распавшийся на множество осколков устойчивый мир возрождался в новой конфигурации, создавая новые связи и смыслы. Не случайно поэтому, традиционные культуры Востока становятся для кино постмодерна той основой, которая разрушает свойственное культуре модерна отрицание не-Запада и отношение к нему как «чужому». Важно и то, что в условиях глобализации и информатизации, кино способно улавливать и воплощать образы и переживания людей раз-

личных цивилизаций и культур, проникать в дальние эпохи и заглядывать в будущее. Об этом свидетельствует творчество таких режиссеров, как В. Петерсен (Германия), Дж. Шолдер (Испания), П. Пазолини, Б.Бертолуччи, С.Леоне (Италия), Х.Пастор (Мексика), Д.Добкин, В. Аллен, Кв. Тарантин, П. Берг, Л. и Л. Вачовски (США), М. Антониони, Ж.-Ж. Анно, Ж.-Л.Годар, А.Рене, Эр. *Ромер* (Франция), И. Бергман (Швеция) и других.

Анализ кинематографа эпохи постмодерна обнаруживает тенденцию изменения отношения Запада к Востоку – от захвата Востока, восприятия его как «Чужого», «Другого», как «Симулякра»- к деконструкции устоявшейся оппозиции и ощущению гиперреальности в единстве Востока и Запада. Эта тенденция обращения Запада к Востоку выявляет еще одну особенность эпохи постмодерна – повышенный интерес к истории Востока, к событиям и личностям, определившим ход мирового исторического процесса.

Одной из такой личности, привлечшей особое внимание кинематографистов, является Чингисхан – «Покоритель Вселенной», основатель самой крупной в истории человечества империи. Следует заметить, что к его образу, начиная с послевоенного времени и по сей день, обращались многие западные режиссеры: Джордж Шерман («Золотая Орда» – США, 1951), Дик Пауэлл «Завоеватель» – США, 1956), Рольдано Лупи («Монголы» – Италия, 1961); Омар Шариф («Чингисхан» – Великобритания, ФРГ, Италия, США, 1965), Кен Эннакин «Чингисхан» (США, 1992); Рассел Малкэй («Тень» – США, 1994), Дуглас Ким («Чингис» – США, 2007), Кен Эннакин и Антонио Маргерити («Чингис хан: история жизни» – США, 2010).

Значительный интерес к личности Чингис-хана в эпоху постмодерна может быть объяснен тем, что постмодерн дает тот же набор идентичностей, который выдвинул еще в XIII в. Чингис-хан. Исследователь геополитики постмодерна, Александр Дугин, опираясь на труды западных философов постмодерна – Жюль Делёза, Жака Дерриды, Жан-Франсуа Лиотара, Анри Бергсона, Ролана Барта, Мишеля Фуко и Жана Бодрийера, раскрыл особенности новых идентичностей, которые пришли на смену эпохи модерна. К ним он относит такие проекты и концепты постмодерна, как глобализация, планетарный космополитизм, индивидуальное мифотворчество, произвольность утверждения абсолютным индивидуумом своего отношения к «другим», «империю как концепт постмодерна.

Постмодерн является не только выражением геополитических и общественных изменений. Постмодерн воплотился в формировании новой художественной стилистики, нашедшей свое воплощение в художественном творчестве. К стилистическим особенностям кинематографа постмодернизма относятся фрагментация, пастиш, симулякр и другие.

В докладе рассматривается образ Чингисхана, воплощенный в западном кинематографе эпохи постмодерна, с точки зрения обозначенных проектов, концептов и стилистических особенностей. И хотя многие из них нельзя в строгом смысле отнести к постмодернистскому кино, однако все они являются воплощением особенностей, свойственных эпохе постмодерна.

С.Ш. Аязбекова

Тенгрианская и буддийская космология монголов: опыт сопоставительного анализа

Тенгрианская и буддийская космология рассматривается на примере космогонической и эсхатологической мифологии, легенд, петроглифов, эпоса и музыкальных инструментов. Анализируются вопросы первоначала, демиурга, первопредка, бинарных оппозиций. Обосновывается положение о преемственности и взаимосвязи двух типов космологий – тенгрианской и буддийской.

Космологические сюжеты монголоязычных народов - халхасов, ойратов, бурят, баргутов, хорчинов, чахаров, сяньби, кидании, калмыков и др., - свидетельствует о глубокой древности, универсальной общности и единстве культуры всего тюрко-монгольского мира. Во многом это объясняется этногенетическими связями, преобладанием номадизма, а также широким распространением тенгрианства. Наиболее глубокую датировку распространения тенгрианства на обширной территории расселения всех прототюркских и прамонгольских народов дают петроглифы, распространенные от Монголии до Восточной Европы и от Южной Сибири до Малой Азии.

Целью нашего исследования является сопоставительный анализ тенгрианской и буддийской космологии. Основным предметом изучения становится мифология, эпические и фольклорные тексты монголыязычных народов. Однако широкий ареал распространения тенгрианства и буддизма, их взаимодействие на протяжении длительной истории обуславливает наше внимание также к древним тюркским и индийским мифам, сохранивших в первоначальной форме тенгрианские и добуддийские древнеиндийские представления.

Б.Д. Бальжинимаева

DOI 10.25882/ep9w-p608

Способы словообразования традиционной ремесленной терминологии в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-24-03001-ОГН

Терминология домашнего ремесленного производства монгольских народов занимает определенное место среди терминологических систем их традиционного уклада. Как известно, монгольские народы для обеспечения своих жизненных потребностей сами производили в домашних условиях необходимые им предметы быта: посуду, орудия труда и всевозможную утварь. Так развивалось домашнее ремесленное производство, а вместе с ним и его терминология. Традиционная ремесленная терминология включает в себя термины, относящиеся к приемам обработки металлов, растительного и животного сырья, а названия изделий из них.

Основными способами образования терминологии в сравниваемых языках являются лексико-семантический, морфологический и синтаксический способы.

В образовании ремесленных терминов лексико-семантическим способом имеет место расширение значения слова, перенос значений

по тому или иному признаку. Также определенную роль сыграла группа так называемых изобразительных слов.

При морфологическом способе образования данных терминов словообразовательной базой явились общемонгольские основы глаголов и имен существительных.

Самыми продуктивными для образования терминов-названий инструментов явились суффиксы =уур, =уул, =втөл, =бтар, =гэ, =бша, =бар, =лга и т.д. от глагольных основ. От именных основ при помощи суффиксов =ла (=ло, =лэ), =да (=до, =дэ) образованы термины обработки и названия приемов обработки металлов, растительного и животного сырья.

Синтаксический способ образования в рассматриваемом материале имеет немаловажное значение. Традиционная ремесленная терминология в значительной степени представлена двухкомпонентными атрибутивными словосочетаниями и редко состоящими из трех- и более компонентов. Определяющими компонентами в составных терминах выступают имена существительные в форме основы, а также в родительном и совместном падежах.

Что касается проявления системности в лексике, то в терминах традиционного ремесла хотя и редко, но имеет место явление синонимии, полисемии и омонимии.

О древних экономических и культурных связях как с генетически родственными тюркскими и тунгусо-маньчжурскими, так и с неродственными китайским, тибетским и русским народами, говорят глубоко вошедшие в систему описываемой в данной работе терминологии заимствования из языков этих народов.

Исследование традиционной ремесленной терминологии имеет большое значение для понимания процессов и условий формирования традиционной материальной культуры монгольских народов.

DOI 10.25882/pqk0-kb52

**«Монголын нууц товчоон» дахь аман уламжлалын зүйл
авантекстийг дохиолох нь. (Намеки авантекста в устных
традициях «Тайной истории монголов»)**

«Монголын нууц товчоон»-ы аман уламжлал юу байв гэдэг асуултанд хариулахыг хичээж олон жил болов. Бидэнд мэдэгдэж буй «Монголын нууц товчоон»-ы уг эх, бичвэр ер нь хаанаас юунаас бий болов гэдгийг эргэцүүлэн бодсоор энэхүү илтгэлийг хэлэлцүүлэгч миний бие 1999 онд «Аман уламжлал ба Монголын Нууц Товчоон» хэмээх эрдмийн ажлыг бичсэн. Уг ажилд МНТ-ы өмнөх уламжлал гэдэгт монголчуудын *домог-үлгэр, баатарлаг тууль, аман түүх* гэх гурван уламжлалыг тодруулан онцлон авч үзсэн юм.

Тухайн үед миний бие «Монголын нууц товчоон»-ы өвөрмөц шинжийн тухайд: “Номын шарласан хуудаснаас, галиг үсгийн давхар бүрхүүлийн цаанаас ч “тал нутгийн үнэрийг” үнэрлүүлэн таниулаад байдаг чанар нь чухам юунд оршиж байна вэ? Чухам үүнд л хариулахыг бид хичээх болно”(Г. Билгүүдэй. Аман уламжлал ба «Монголын нууц товчоон». УБ., 2000. 29 дүгээр тал) гэж бичиж байсан маань чухамдаа «Монголын нууц товчоон»-ы дотроос өмнөх үеийн аман уламжлалын зүйлсийн эрэл хайгуул байсан юм. Энд дурдан буй “өмнөх үеийн аман уламжлалын зүйлс” гэсэн баахан эв хавгүй нуршуу санааг өрнөдийн аман зохиол судлалд авантекст гэх нэр томъёогоор тэмдэглэдэг байна.

Авантекст (фр. *l'avant-texte* »дотекст, прототекст//эхийн өмнөх, өвөг эх») гэх нэр томъёог өнгөцхөн харвал цэрэг дайны урлагт хэрэглэгддэг авангард (фр. *avant-garde*, «*avant*» — /өмнөх/; «*garde*» — /харуул/) гэх үгтэй төстэй, тийм л аргаар үүссэн үг гэлтэй. Иймээс *авангард* гэдгийг монгол цэргийн ухаанд *толгойн сэргийлэх анги /харуул/* гэх мэтээр орчуулан ярьдаг.

«Монголын нууц товчоон»-ы 37 дугаар зүйлд “Гэр-тур-ийан хүрээд ах-а нар, дэгү нар хэлэлдэж морилаба. Мөн Бодончар-и алгинчи хагулгаба” гэж гарч байгаа нь ах дүү нар хэлэлцэж тохиролцоод дорой иргэнд морилохдоо дүү Боданчарыг “*алгинчи хуулгав*” гэсэн нь авангард болгон довтолгов гэсэн үг болно.

Иймээс энэ авантекст гэх үгийн “аван” гэх утварыг *өмнөх* юм уу эсвэл *өвөг*, “текст” гэх төгсгөл хэсгийг эх юм уу эсвэл *бичвэр* гэж орчуулбал дээрх нэр томъёо нь “*өмнөх эх - өмнөх бичвэр*”, “*түрүү эх – түрүү бичвэр*”, “*өвөг эх – өвөг бичвэр*” “*түрүүч эх – түрүүч бичвэр*” гэх мэтээр хөрвүүлэн авч болох ч эд бүгд үгчилсэн махчилсан болхи толхи орчуулга төдий л зүйл болно. Гэтэл энэ авантекст гэх нэр томъёог 1972 онд францын эрдэмтэн Ж.Белмен-Ноэл гэгч “генетикийн шүүмжлэл”-д анх авч хэрэглэсэн ажээ. Францын “генетикийн шүүмжлэл”-д уг нэр томъёог дараах байдлаар тодорхойлж байна.

“Авантекст” гэх нэр томъёо нь “генетикийн шүүмжлэл”-д бүрэн гүйцэд бичиж дууссан бүтээл гарахын өмнөх хэрэглэгдэхүүний бүхий л цогсосыг тэмдэглэдэг нэр байжээ. Энэ нь тухайн бүтээл төрөхөд хүргэсэн олон янзын хувилбар, хар цагаан ноорог, зураглал, төлөвлөгөө гээд тухайн зохиол бүтээлийн “генетик баримтын хавтас” мэт зүйл гэж ойлгодог байна. Аль эсвэл тухайн бүтээлийн утга бүрэлдсэн үйл явцыг илрүүлэн гаргахад тухайн досье буюу баримтын цуглуулгаас шүүн гаргаж ирсэн оюун дүгнэлтийн байгууламжийг хэлдэг байжээ. Авантекстийн үзэл баримтлалын талаар: Ж.-Б.Ноэль. Воссоздать рукопись, описать черновики, составить авантекст // Генетическая критика во Франции. Антология. Отв. ред. А.Д. Михайлов. Вст. ст. и словарь Е.Е. Дмитриевой. М., 1999, с. 98-114. гэдэг номноос үзнэ үү.

Өрнө дахинд саяхнаас хэрэглэгдэх болсон авантекст гэх нэр томъёоны тодорхойлтыг санагдуулам зүйлийг дорно дахинд аль эрт цагт, дээр үеэс, үүнийг өчүүхэн тодруулбал эртний Энэтхэгийн Дандины зохиолд тохиолдож байна.

Энэ нь дорно дахины, тухайлбал, эртний Энэтхэгийн туурвил зүйн онолч Дандины «Зохист аялгууны толь»-ийн утгын 35 чимгийн сүүлийн буюу 35 дахь чимэг болох “Таалалт чимэг” хэмээхийн доторхи “Зохист аялгуучны сэтгэснийг таалал хэмээн хэлмүй” гэдэгтэй ихээхэн ижилхэн санаа болно. «Зохист аялгууны толь»-ийн Таалалт чимэгийн тодорхойлт болон түүний тайлбарыг үзвэл:

«Таалалтын чимэг (ca: bhavikam, тө: dgons pa can gyi rgyan) нь зохист аялгуучин анх зохиол бүтээл туурвиж эхэлснээс бүрэн төгсөх хүртэл юу өгүүлэхээр сэдэж санаж хадгалж бодсон тэр бодлын илэрцийг “Таалалтын чимэг” хэмээн нэрлэжээ. Дандин:

Энд *таалал*, *таалалт* хэмээх хоёр ойлголт байна. Зохист аялгуучин тэрбээр өгүүлэгдэхүүн түүнийг өгүүлэх ёс, зохист

аялгууны чимэг аль байдлаар өгүүлэхийг хүссэн бодол буюу санааны үргэлжлэл түүнийг “*таалал*” хэмээж байна. Өөрөөр хэлбэл, таалал хэмээхийг нь бодол, санаа, онгод, хөглөл, төлөвлөгөө ч гэж хэлж болно».

Одоо бид авантекст, текст, таалал, таалалтыг гэрчлэн харуулах зарим нэг жишээ баримтыг гаргаж ярья.

«Монголын нууц товчоон»-ы эх дотор авантекст-ийн дохио тэмдэг болсон зарим нэг зүйл байна. Жишээлбэл, «Монголын нууц товчоон»-ы 52, 57 дугаар зүйлд монголчууд хаанаа хэрхэн сонгон өргөмжилдөг байсныг өгүүлсэн хоёр хэсэг байна. Энэ бол «Монголын нууц товчоон»-ы эхэд орсон таалалтын буюу текстийн жишээ. Энд монголчууд хаан болох хүнээ хэлэлцэж, өмнөх хааны гэрээс захиасын дагуу сонгон өргөмжилдөг тухай өгүүлжээ. Ийм цуглаан дээр хүмүүс юу ярьж хэлэлцэснийг «Монголын нууц товчоон»-д дэлгэрэнгүй бичсэнгүй. Өөрөөр хэлбэл таалал буюу авантекст нь мэдэгдэхгүй байна гэсэн үг.

Хамаг монголыг эхлээд Хабул, дараа нь Амбагай мэдэн байсан, эцэст нь Амбагай хааны Хадаан, Хотала хоёрыг нэрийдэж илгээснээр хамаг монгол тайчууд Ононы Хорхоног жубурт хурж Хоталыг хаан болгов гэсэн нь хэн хэн монголын хаан болов гэдэг сонгуулийн үр дүнг мэдээлжээ. Харин монголчууд хурж хаанаа сонгохдоо хэрхэн хэлэлцэж чухам юу гэж ярьдаг хэлэлцдэг байсныг гэрчлэх баримт буюу тааллын буюу авантекстийг бид Рашид-ад-Дины номоос мэдэж болж байна.

Харин Рашид-ад-Дины «Судрын чуулган»-д Тайчиуд нь дотроо эв нэгдэлгүй байснаас хаанаа сонгож чадахгүй удсан гээд:

Ш. Гаадамба 1961 онд орос хэлээр бичиж эрдмийн зэрэг хамгаалсан «Сокровенное сказание монголов как памятник художественной литературы (XIII в.)» /»Монголын нууц товчоо» бол /XIII зууны/ монголын уран зохиолын дурсгалт бичиг мөн/ хэмээх ажлынхаа гуравдугаар бүлгийг “Нууц товчооны” уламжлалд зориулжээ. «Монголын нууц товчоон»-ы уламжлалыг хадгалсан түүхэн домгууд туульсын өнгө аястай, монголчуудын үндэс угсаагаа ухамсарласан, монголчуудыг эв нэгдэлтэй байлгах санааг халуун дотноор уриалсан, Монголын нэгдсэн улсыг байгуулахад хүчирхэг эзний гагц жолоонд орохын чухлыг ятгасан, овог аймгийн хоорондын самуун дайсагналыг жигшин эсэргүүцсэн байдгаараа нэг чиг урсгалын гэж болох зохиолууд байдаг билээ.

«Тэр үед монгол овог аймгууд эв нэгдэлтэй байх санаа нь хамгийн их дэлгэрсэн гэдгийг энэ бүхэн харуулж байна. Энэ үүднээс Хүдэй буюу эсвэл Матугун сэцний хэлсэн үг онцгой сонирхолтой юм. «Алтан товчийн» Хүдэй-сэчэн болоод Мүтүгүн (аль эсвэл «Судрын чуулганы» доторхи Матугун-сэчэн) хоёр бол нэг хүн гэж Ц. Дамдинсүрэн итгэлтэй хэлж байсан. Гэвч бид Рашид-ад-Дины номоос: “Урнат аймгийн Кукдай, Матугин, Төмөр-Урах мэт ахуй амьдралын асар их туршлагатай өвгөд ятган хэлсээр авч тэдний үгийг ухан ойлгож хүлээн авсангүй.

Сүүлд тэд чухам ямар тогтоол гаргасан гэдгийг бат ноттой мэдэж чадаагүй боловч Есүгэй бахадур залуугаараа нас барсанд тайчуудын олон аймгууд Чингис хааныг эсэргүүцэн босов. Тэдгээр эсэргүүцэгдсийн түрүү нэг нь Адал ханы хөвгүүн Таргутаи Кирилтук, дараа нь Тудай, бас Курил-бахадур, Анку-Хакучу нар болон бусад эрхтнүүдийн тухай [доор] өгүүлэх болно. [Эдгээрийн дотор] хамгийн түрүү дурдагдсан нь Таргутаи-Кирилтук юм. Үүнээс үзэхүү аймгийн ахлагчийн ор ба эрхийг лав түүнд олгосон байх ёстой. Гэхдээ түүний ач Хотала хаан нас барсны дараа Чингис хааны эцэг, Бартан-бахадурын хөвгүүн Есүгэй-бахадур ноёрхох болсон нь итгэлтэй хэрэг юм. Кабул-ханы Бартан-бахадураас гадна бусад хөвгүүдийн тухай өгүүллэгүүд олон боловч энэхүү ойлбор бичигт [тэд] үүгээр хязгаарлаж, Бартан-бахадурын тухай түүний үр хүүхдийн тухай тусгайлан өгүүлэх болно.

Эндээс бид Матукун сэцэн Тайчуудын хуралд юу хэлснийг тодорхой мэдэж болж байна. Матукун сэцэн Амбагай хааны хөвгүүдээс хэн нь хан ор суух вэ гэдэг дээр “хөл нь урхинд орчих болов уу” хэмээн эмээж байж үгээ хэлсэн нь харагдаж байна. Нөгөө талаар Матукун сэцний үгийг тайчууд аймгийн хоорондоо хагаралтай зонхилогч нар хүлээж авахгүй байсанд сэтгэл нь урамгүй болж хурлаас уйлсаар гарч одсон тухай тодорхой өгүүлжээ.

Үүнээс үзэхэд Хүдэй цэцэн /Хөхдэй – Судрын чуулганд/, Матукун цэцэн хоёр бол тус тусдаа хүмүүс байсан бололтой. Гэвч эдгээр цэцдийн үгийн утга хэлсэн санаа нь хамаг монголчуудыг эв санаа нэгдэлтэй байхыг сануулан хэлсэн утгад зангилагдаж байна. Эдгээр цэцдийн хэлсэн үг бол бидний сонирхон судлаж буй авантекст буюу түрүүч эхийн шилдэг содон жишээ мөн бөгөөд энэ шүлэглэсэн үг ч азаар хожуу үеийн түүхэн зохиол «Алтан товч», монголчуудын аман хууч ярианы цуглуулга гэмээр персийн түүхчийн «Судрын чуулган»-д тэмдэглэгдэн бидний үед уламжилжээ.

Энэ Зочийн хэлсэн үгнээс “эрхийгээ огтолж огорсугай” гэх “таалалт” болох бөгөөд үүний “таалал” нь /барууны ойлголтоор авантест нь/ тэгвэл юу болох вэ гэдэг асуулт тавигдвал тэр нь монголын Эрхий мэргэний домог үлгэрт гарах Эрхий мэргэний андгай тангарагийн үгэндээ хүрч чадаагүйн улмаас “эрхийгээ огтлоод, эр хүнээ байгаад, хар ус уухгүй, хагд өвс идэхгүй, харанхуй нүхэнд амьдарна” (Хүрэлшаа. Монгол домгийн соёл судлал. УБ., 2017.95-р т.) гээд тарвага болж хувирсан гэх домог-үлгэрийн баатрын үгтэй шууд холбогдоно.

Л. В. Будажапова

DOI 10.25882/4zjz-a277

Семантическое освоение буддийских терминов в бурятском языке

Буддийская лексика бурятского языка обнаруживает довольно сложный по происхождению лексический состав, отразивший путь исторического развития буддизма среди бурят. Основной состав религиозно-буддийских слов составляют заимствования из тибетского языка через письменно-монгольский или из санскрита через письменно-монгольский и тибетский: бур. *бадар* ‘подаяние, подношение странствующим монахам’, п.-монг. *badir*, санскр. *pattra* ‘жертвенная чашка’; бур. *диваажан* ‘рай’, п.-монг. *divajinq*, тиб. *bde-ba-can* ‘рай Будды Амитабхи’, бур. *дамаари* ‘ламский барабанчик, бубен’, п.-монг. *damagu*, тиб. *da-ma-gu*, санскр. *damagu* ‘маленький барабанчик’.

Пути проникновения слова сказывались на его семантике, которая претерпевала известные изменения. Большую роль в освоении заимствованной группы выполнял характер заимствования (устный или письменный, непосредственно из языка источника или через язык - посредник). Слова, заимствованные устным путем, легче адаптировались в заимствующем языке; также легко осваивались слова, заимствованные через язык - посредник.

Буддийские термины, проникшие в разные периоды в монгольский письменно-литературный, а затем в бурятский письменно-литературный язык, в период первоначального заимствования имели строго определенное значение, но большая часть из них затем в разное время изменяли свои значения.

В данной работе рассматриваются семантические изменения заимствованных буддийских терминов в бурятском языке. Нами выделены следующие параметры семантического освоения: сужение или расширение исконного значения, изменение значения в некоторых заимствованных словах.

Материалом для исследования послужили материалы различных словарей: «Бурятско-русский словарь» (Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М., в двух томах, Улан-Удэ, 2010), «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах (Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев, М., 2002), Монгол хэлний харь үгийн толь (О. Сүхбаатар, Улаанбаатар, 1999), «Монгольско-русско-французский словарь» (Ковалевский О.М., Казань, 1844-1849), а также языковые сведения, содержащиеся в религиоведческих исследованиях бурятских и монгольских ученых.

В буддийской терминологии бурятского языка на первом этапе ее формирования было много фонетических и грамматических вариантов. Например: *дибаажан* - *диваажин*, *соголиг* - *соглиг*, *сугалиг*, *гүрэм* - *гурим*, *хаарамба* - *лхаарамба* - *гаарамба*, *бумба* - *бүмбэ*, *Лубсан* - *Лобсан*, *чойро* - *шойро*, *чойжон* - *шойжон*, *гунзад* - *умзад* - *унзад*, *судар* - *худар*, *гэбгы* - *гэсхы*, *Лхаса* - *хаса* и т.д. Объясняется это тем, что слова и термины, обозначающие буддийские понятия, заимствовались бурятским языком из разных источников, но со временем закреплялся один вариант, форма слова стабилизировалась. Возникали и дублетные формы в бурятском языке как результат различного восприятия одного и того же слова, в процессе семантического развития наполняются разным содержанием, становясь отдельными самостоятельными словами. Например: *гэбгы* 'смотритель', *гэсхы* 'младший гэбгы', *гүрэм* 'ламаистский молебен', *гурим* 'обычай, порядок'.

Особенностью терминологического освоения является уменьшение смыслового объема заимствуемых слов. Чаще всего это происходит за счет того, что многозначные слова в подавляющем большинстве случаев заимствуются только в одном из своих значений.

Например, слово *бумба* в тибетском языке означало 'священная посуда для живой воды', а в бурятском имеет значение 'ваза, кувшин, бутылка, сосуд'. Слово *жанша* в тибетском языке имело значение 'накидка, мантия одеваемая ламами во время хурала', а в бурятском языке означает 'обертка из шелка для священных книг'.

В некоторых более употребительных словах наблюдается расширение значений, где слово продолжает свое семантическое развитие,

например, слово *бадар* в тибетском языке имело значение ‘чашка, жертвенная чашка’, в бурятском языке *бадар* означает ‘подавание, подношение странствующим монахам’. Слово *хандиб* в тибетском языке означало ‘дар, добавка’, в бурятском языке мы отмечаем заметное расширение семантического объема слова *хандиб* ‘материальный вклад’.

Слово *жаса* в тибетском языке означало ‘хозяйство дацанов’, теперь в бурятском языке используется в значении ‘фонды, собрания’: *ништын жаса* ‘общественные фонды’, *номой жаса* ‘книжные фонды’, *алтан жаса* ‘золотой фонд’ и т.д. Также слово *зиндаа* в тибетском языке использовалось в значении ‘годовой стаж в цаннидской школе’, в бурятском языке приобрело более широкое значение ‘ранг, положение’. Например: *Сүүгэл дасанай нилээд дээгүүр зиндаатай ламанаршье эндэ сугларба ха юм* - «Здесь собрались и ламы весьма высокого ранга Цугольского дацана» [Д-Р. О. Батожабай].

Имена прилагательные в бурятском языке, такие как *дэмбэрэ-лтэй*, *буянтай*, образовались от семантического переосмысления тибетских слов *ten-brel* ‘взаимосвязь, взаимообусловленность’, *уйг*. *бууан* ‘добродетель, благодеяние’.

Слово *хурал* в письменном монгольском языке имело только религиозное значение ‘религиозное собрание, богослужение; маленький монастырь’; *хурал ном* ‘богослужение, молебен’, *хурал хураха* ‘проводить богослужение’. В результате семантического освоения в Монголии с 1924 года слово *хурал* означает выборный орган верховной и местной власти, в Бурятии с 90-х годов 20 века – название однопалатного парламента.

Из этого следует, что судьба заимствованных терминов неодинакова. Многие из них так и остаются однозначными словами, лишены модальности и экспрессии, словами, значение которых не зависит от контекста: они не выходят за рамки своей специальной сферы функционирования. Эти термины обладают сравнительной семантической устойчивостью и не подвергаются детерминологизации, т.е. не становятся достоянием общелитературного языка; если они и употребляются в художественной литературе, то только для создания речевой характеристики персонажа, принадлежащего к какой-либо профессиональной группе. Однако значительный пласт специальной заимствованной лексики претерпевает в заимствующем языке значительные семантические изменения. Первой, а иногда и единственной стадией детерминологизации является выход термина за рамки его

функциональной сферы без изменения значения. При этом расширяется круг лиц, пользующихся этим термином, он становится обычным для речи людей и для контекстов, не связанных непосредственно с данной отраслью деятельности.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что заимствованные буддийские термины в значительной своей части подверглись детерминологизации, следствием которой явились произошедшие в них семантические изменения. Войдя в язык как однозначное слово, термин постепенно расширяет сферу употребления в общелитературном языке, где он получает новые значения, употребляется переносно, в результате чего происходит дальнейшее расширение его синтагматических связей.

С.С. Гмир

DOI 10.25882/kzvt-7e66

**В поисках малой родины О. М. Ковалевского (1800/1801- 1878)
(по материалам его священнического рода
из церковных архивов)**

Вопрос о малой родине ориенталиста Осипа Михайловича Ковалевского до сих пор остаётся открытым: белорусские и российские исследователи на основе уцелевших писем учёного называют Левково, находящееся в настоящее время на территории Польской Народной Республики, что категорически отрицают польские исследователи, однозначно указывающие в сторону Берестовиччины. Одно не подлежит сомнениям: будущий востоковед родился в семье грекокатолического (далее – униатского) священника 28 декабря 1800 г. по старому и 9 января 1801 г. по новому стилю.

Трудность изучения вопроса состоит в том, что после перехода в лоно православия в 1839 г. архивы униатских церквей уничтожались, остались лишь ранее сохранённые в униатских консисториях документы, в основном акты деканских визитов, разбросанные по архивам Беларуси, Литвы, Польши, Латвии, России.

Однако в архиве Массолянской церкви Великоберестовицкого благочиния сохранились метрические книги с 1835 г., где и обнаружены записи о династии священников Ковалевских, служивших в соседней Олекшицкой церкви, отстоящей от Массолян в 5 кило-

метрах. Сохранённая местным историком-краеведом Л.Р.Колесником исповедная ведомость Олекшицкой церкви за 1843 г. свидетельствует о составе семьи Олекшицкого настоятеля Антония Ковалевского, в составе семьи которого престарелый отец, бывший настоятель Олекшицкой церкви Михаил Антониевич Ковалевский.

И, наконец, вышедшее в 2015 г. исследование Дениса Лисейчикова «Святар у беларускім соцыуме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства» позволило изучить личный состав причтов Великоберестовицкой, Левковской и Олекшицкой церквей униатского периода. В результате сравнения получены следующие выводы:

1. В работе Д. Лисейчикова всех униатских церковнослужителей под фамилией Ковалевский насчитывается 21 человек, из них только один носил имя Михаил – служивший сначала в Гольневской, а с ноября 1800 г. – в Олекшицкой церкви.

2. В Великоберестовицкой церкви не выявлено священников по фамилии Ковалевский, в интересующий нас период в ней служил Томаш Ващилович, а затем, согласно традиции служения униатских кланов, – его сын Николай.

3. Вотчиной униатского клана священников Ковалевских в XVIII в. была Левковская церковь (там служили прапрадед Осипа Михайловича Ковалевского Героним и прадед Иосиф), в XIX в. – Олекшицкая (где служил отец учёного Михаил Антониевич, брат Антоний Михайлович, а затем сын последнего Лев Антониевич, на котором обрывается династия олешицких Ковалевских).

4. В результате историко-генетического анализа удалось составить родословную Осипа Михайловича Ковалевского, начиная с прапрадеда Геронима.

5. Удалось уточнить состав семьи униатского священника Михаила Ковалевского.

Однако нельзя сказать, что в изучении вопроса поставлена точка:

- не выявлена связь Осипа Михайловича с Левково,
- ничего не известно о матери учёного,
- документы Массолянской и Олекшицкой церквей указывают на брата-погодка Антония, в отличие от исследователей, называющих младшего брата Теодозием,
- в церковных источниках найдены многочисленные хронологические несоответствия.

DOI 10.25882/rch4-8e68

Монголоведение в Санкт-Петербургском университете

Кафедра монголоведения и тибетологии является одной из старейших на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Ее история восходит к Кафедре монгольской словесности (монгольского языка), созданной в Казанском университете в 1833 году. После открытия Восточного факультета в Санкт-Петербургском университете в 1855 г. Кафедра монгольского и калмыцкого языка входила в монголо-калмыцко-маньчжурский разряд, при воссоздании Восточного факультета в 1944 г. она была восстановлена в качестве самостоятельного подразделения под названием Кафедры монгольской филологии, которое носила до 2008 г., когда на ее основе была сформирована Кафедра монголоведения и тибетологии.

С 1944 г. по настоящее время на кафедре велось обучение студентов по филологическим специализациям «Монгольская филология», «Монгольско-тибетская филология» в рамках 5-летнего специалитета, а с середины 1990-х гг. – по филологическим профилям «Монгольская филология», «Монгольско-тибетская филология», «Тибетско-монгольская филология» в рамках программ 4-летнего бакалавриата и 2-летней магистратуры по направлению «Востоковедение, африканистика»; после 2008 г. были также добавлены исторические профили «История Тибета (Китай)» и «История Монголии». Набор обучающихся бакалавриата на кафедру осуществляется не реже, чем раз в 2 года, прием обучающихся в магистратуру и аспирантуру возможен ежегодно.

В настоящее время педагогический коллектив Кафедры монголоведения и тибетологии включает 1 профессора, 5 доцентов, 1 старшего преподавателя и 1 ассистента. В 2017-2018 учебном году по монголоведным и тибетологическим профилям обучались 4 студента 1 курса, 5 студентов 2 курса, 3 студента 3 курса, 4 студента 4 курса (итого 16 в бакалавриате), 1 магистрант 1 курса и 3 магистранта 2 курса (итого 4 в магистратуре) и 4 аспиранта (всего 24 обучающихся).

За последние годы преподаватели, студенты и аспиранты Кафедры монголоведения и тибетологии принимали активное участие

в ряде НИР СПбГУ, грантов РГНФ, РФФИ и некоторых зарубежных фондов, на кафедре проходили экспертизу диссертационные сочинения как аспирантов кафедры, так и сотрудников других научных учреждений.

Кафедра монголоведения и тибетологии вовлечена в активное сотрудничество с российскими и зарубежными учебными и научными заведениями, музеями, средствами массовой информации благодаря многочисленным научным командировкам преподавателей, студентов и аспирантов кафедры, а также частым визитам делегаций и отдельных представителей различных организаций-партнеров.

В условиях реформирования системы образования в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» особое значение для образовательных программ высшего образования приобретает внедрение различных форм взаимодействия с работодателями и выпускниками, организация практик и поиск форм содействия трудоустройству выпускников. Идет подготовка к созданию Совета образовательных программ по монголоведению и тибетологии.

Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, Д.Е. Мартынов, М. Сахавова

DOI 10.25882/swhy-tr24

**Венгерский монголовед Балинт Габор в Казани:
Неизвестные письма Н. И. Ильминскому (1872 – 1874 гг.)**

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

Габор Балинт (Gabor Balint de Szentkatolna, 1844–1913) – выдающийся венгерский языковед, монголовед и тюрколог, был одним из ведущих ученых и просветителей эпохи венгерского возрождения и национальной идеологии второй половины XIX – начала XX в.

Проблемы истории и культуры венгров и венгерского языка, их происхождение, родства венгров и гуннов, поиска прародины и особенно изучение восточных языков (тюркского, арабского, монгольского, калмыцкого) и в целом Востока стали ключевыми в «Эпоху венгерских преобразований». «Венгерское ученое общество» (Mag-

yar Tudos Tarsasag), созданное в 1825 г., известное как «Венгерская академия наук», сыграло исключительную роль в научных исследованиях по различным направлениям национальной истории и культуры, в том числе в области ориенталистики в Венгрии. В этих общественно-политических и академических процессах Габор Балинт сыграл значительную роль. Его научные интересы и исследования формировались не без влияния выдающегося венгерского ученого-ориенталиста Александра Цома дэ Кёрёша (1784-1842), основоположника венгерской тибетологии и центральноазиатских исследований.

«Период реформ», венгерская революция (1848), война за свободу (1848-1849), эпоха террора и репрессии (1849-1867) – все это явилось историческим фоном, сформировавшим в Австро-Венгрии новые условия для исследований национальной истории и культуры венгров, для появления новых общественных и академических идей, дали толчок для развития классического образования в университетах Будапешта и Вены, создали благоприятные предпосылки научных путешествий Габора Балинта в Россию, Монголию, Южную и Восточную Азию.

Его научные поиски были мотивированы известным в академических кругах так называемым «Угро-тюркским противостоянием». В спорах о генезисе венгерского народа и его языка, о взаимосвязи общих корней с финно-угорскими, тюркскими и монгольскими языками принимали активное участие современники Габора Балинта, выдающиеся ученые-востоковеды Европы – Арминий Вамбери (1832–1913), венгерский востоковед, путешественник, полиглот, и Йозеф Буденц (1836–1892), немецкий языковед, профессор Будапештского университета, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук.

В 1871 г. после завершения университетского образования Габор Балинт при поддержке Венгерской академии наук отправился для ведения полевых исследований среди казанских татар и калмыков. В Казани, Астрахани и Санкт-Петербурге он изучал татарский, монгольский (главным образом – калмыцкий) и некоторые финно-угорские языки. В 1874 г. он вернулся в Венгрию и активно начал работать над собранными материалами. В 1875–1877 гг. он преподавал в Будапештском университете азиатские языки (в том числе монгольский) и готовился к новым научным путешествиям в Центральную, Южную и Восточную Азию.

Его прибытие в 1871 г. в Казань и дальнейшие полевые исследования среди калмыков в Нижнем Поволжье были связаны с глубоким интересом к письменному и устному наследию тюркских и монгольских народов, поиском историко-культурных связей венгров с другими народами Евразии, изучением места их происхождения и сходства с другими языками.

Г. Балинт обобщил языковые и литературные материалы, связанные с алтайскими, финно-угорскими и мертвым гуннским языками под общим названием «Туранские языки». Один из ключевых его лингвистических выводов сводился к тому, что венгерский язык является отдельной ветвью, а не частью финно-угорской или тюркской (алтайской) языковой семьи.

В Казани под влиянием Н.И. Ильминского (1822–1891) он начал изучать татарский язык, в частности, диалект крещеных татар, а под руководством преподавателя монголо-калмыцкого языка в Казанской духовной академии В.В. Миротворцева (1838–1891). – калмыцкий язык.

При изучении монгольского и калмыцкого языков Г. Балинт пользовался в основном пособием А.А. Бобровникова (1821–1865) «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», изданная в Казани в 1849 г. Позже, в Будапеште Г. Балинт, используя эту работу, издал на венгерском языке книги, посвященные литературным материалам, словарь и учебник грамматики казанских татар: «Произведения казанских татар с переводом» (1875), Словарь казанских татар (1876) и «Грамматическое пособие казанских татар. Фонология, морфология, синтаксис» (1876).

В докладе будет дан краткий обзор трех неизвестных писем Габора Балинта Н.И. Ильминскому, написанных в период с декабря 1872 г. по ноябрь 1874 г. (из Санкт-Петербурга и Будапешта), которые хранятся в Государственном архиве Республики Татарстан. Особый интерес представляет одно из первых писем Габора Балинта Н.И. Ильминскому, написанное на русском языке, имеющее в конце небольшой фрагмент на татарском языке, свидетельствующий о хорошем уровне владения венгерским ученым Г. Балинтом письменного русского и татарского языков. Ниже предлагаем это письмо, хранящееся в Государственном архиве Республики Татарстан. Ф.968. оп.1. д. 93. л. 21 – 22. Орфография автора сохранена.

Многоуважаемый Николай Иванович!

Прежде всего поздравляю Вас с вашим новым местом, чистосердечно желавши Вам долговечность в пользу бедных, которым путь цивилизаций Вы первый показали всеми средствами и даже жертвоованием и которых на этом укрепить только Вы один можете: в пользу бедных сказал я, ибо только одна цивилизация может различить человека от животного и таким образом избавить его от рабства природы, т. е. от бедности.

Вы, вероятно, в том убеждении, что я уже возвратился в Венгрию, как и намерен был: но так, как при моем прибытии в Ст. Петербург венгерская Академия наук вновь свое желание объявила, что путь в Монголию необходим для изучения народного монгольского языка и для собирания материалов из народного бытия, таким образом и я порешился исполнить это предприятие.

Я намерен отправиться в дорогу в первых числах февраля по-вашему потому, что ехать через Сибирь зимой гораздо скорее и удобнее, чем летом. И так как мой путь чрез Казань ведет, я надеюсь с Вами и с прочими знакомыми видеться и вместе надеюсь, что найду в Казани сопутешественника, что для меня во всех отношениях было бы приятно.

Что касается до моего Ст. Петербургского занятия, то я могу известить Вас, что кроме других филологических учений и с финским языком знакомился, и теперече занимаюсь манджурским языком.

Наконец поздравлявши Вас и прочих знакомых моих с наступающим праздником и кланявши милостивой государыне Вашей супруге, остаюсь Вашим прямосердечным почитателем Гавриил Андреевич Балинт.

Ст. Петербург.

9/21 декабря 1872 года.

На Василии-острове по большому проспекту. № 5. Кв 13.

NB. Мин бу баш шегерга килганемнан сун Бачлей агайга бер хат ойзыб жибарерб бу багытка чаклы жевабга котоб тордым, ама пайдасыз: ул чын татар кук жалкау булгачтын жеваб жибармаган бугай: шулай туруб тороуа бик мактаньлган наста тогул, алай булса да анар да бары жемагатына да куб селам айтеагезлэ.

Баурла.

DOI 10.25882/fynv-ft31

**Монгольские письменные памятники
из коллекции Государственного Эрмитажа.**

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся самые разнообразные монгольские письменные памятники. Самый известный – Чингисов камень (инв. № БМ-728), датируемый 1224-1225 гг. Надпись на камне содержит имя Чингис-хана, в ней говорится о победе внучатого племянника Чингис-хана, Исункэ, в стрельбе из лука. Камень был найден в Забайкалье на территории Хирхиринаского городища.

Важными документами является пайцзы. Две серебряные (инв. № БМ-1121, 1134) и чугунная (инв. № МР-3061) пайцзы имеют надписи квадратным письмом, одинаковые по содержанию. Еще одна серебряная пайца (инв. № ЗО-295) – более поздняя, с монгольской надписью, в которой упомянут хан Золотой Орды, Абдулла, правивший в 1367-1370 гг.

Берестяная грамота (XIV в.), найденная в Поволжье, представляет собой известный памятник монгольской литературы. В ней содержится плач матери, провожающей сына на войну.

К более позднему времени относятся буддийские сочинения, ксилографические доски, тангка и ксилографы с надписями, указы на шелковых тканях.

В коллекции Эрмитажа хранится тибето-монгольский словарь (инв. № КО-1086), сборник молитв (инв. № КО-1580), посвященных Манджугоше (форма Манджушри, божества мудрости).

Наибольший интерес представляет монгольское сочинение (инв. № КО-1630), в котором описаны восемь бед, случающихся с путешественниками. За основу монгольский автор взял тибетский перевод. Оригинальный санскритский текст индийского ученого VII в. Чандрагомина был переведен на тибетский язык Атишей (982–1054). Не смотря на то, что книга является ксилографом, в ней имеется много иллюстраций. Она называется «Намтар Зеленой Тары» и входит в «Зуун билиг» Ц. Дамдинсурена. Культ Зеленой Тары пользовался большой популярностью в Монголии. Текст, хранящийся в Государственном Эрмитаже, отпечатан на старой русской бумаге размером 35,5 x 10 см и насчитывает тридцать четыре листа. В коллекции име-

ется тангка с кратким текстом и изображениями деяний Зеленой Та-ры в форме Кхадиравани.

Ксилографические доски (456 ед. хр.) поступили из Агинского дацана. Они представляют собой восемь различных сочинений: «Свеча, поясняющая различие грехов и добродетелей», «Восхваление Будды», «Путь для людей среднего рождения» и другие.

Таким образом, в коллекции Государственного Эрмитажа представлены самые разнообразные памятники монгольской письменности с XIII по начало XX в.

В.Ю.Жуков, И.В.Кульганек

DOI 10.25882/61cn-te62

**Монголовед О. М. Ковалевский и его родные:
биографический этюд**

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»).

Осип (Иосиф) Михайлович Ковалевский (*польск.* Józef Szczepan Kowalewski — Юзеф Щепан Ковалевски; *белор.* Юзаф Сцяпан Кавалеўскі, 28.12.1800 / 9.01.1801 – 26.10 / 7.11.1878) — выдающийся российский и польский востоковед, ставший во главе монголоведной школы в России, прекрасный знаток культуры, религии и истории монголоязычных народов, организатор высшего образования и науки, ректор Императорского Казанского университета, декан историко-филологического факультета Варшавского университета.

Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (в 1847 г. был избран ординарным академиком, но его не утвердил имп. Николай I), действительный член Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, Почетный член Азиатского общества в Париже, Королевского датского общества северных антиквариев в Копенгагене, Виленской археографической комиссии и Казанского университета, лауреат Демидовской премии для ученых, О. М. Ковалевский был филоло-

гом и историком, антиковедом и востоковедом-буддологом, одним из основоположников научного монголоведения и буддологии в России.

Окончил Виленский университет (1817–1821), при поступлении в который сдружился с Адамом Мицкевичем (1798–1856) и вступил во вновь образованное Общество филоматов («друзья науки»), участвовал в деятельности его дочерних организаций — Союза друзей и Общества филаретов («друзья добродетели»). В 1823 г. был арестован и в 1824 г. выслан под особый надзор в Казань, где изучал восточные языки в Императорском Казанском университете.

О. М. Ковалевский командировался с научной целью в Иркутск. Затем совершил трехгодичное путешествие в Забайкалье и Сибирь, во время которого посетил Монголию, провел семь месяцев в Китае. По возвращении из путешествия на Восток в 1832 г. был утвержден в должности ординарного профессора, а в 1833 г. возглавил первую в России и Европе кафедру монгольского языка, открытую в Казанском университете на философском факультете.

Среди его учеников были востоковеды Д. Банзаров, А.А. Бобровников, В.П. Васильев, Г. Гомбоев, Н.И. Зоммер, В.Л. Котвич, А.М. Позднеев.

Значительная часть рукописного наследия, а также рукописных книг и ксилографов, собранных им в Бурятии, Монголии и Китае, сосредоточена в Санкт-Петербурге. Его крупнейший неизданный труд (900 страниц) «История монголов» хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН в Петербурге. Соавторы при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН) работают над подготовкой его к публикации.

О.М. Ковалевский родился 28 декабря 1800 (9 января 1801) г. в семье униатского священника польского (или белорусского) происхождения, из мелкопоместных дворян. Мать, вероятно, — польского происхождения и, как и сам Осип Михайлович — католического вероисповедания. Родился будущий ученый в местечке Великая Берестовица (Бржестовица) Гродненского уезда Гродненской губернии (в составе Российской империи, ныне городской поселок Большая Берестовица Берестовицкого района Гродненской области Республики Беларусь). Существует и другие версии места рождения будущего ученого — Гродна (Гродно), Гродненский уезд или с. Левково Подляского воеводства Польши (в составе Российской империи, ныне Левково-Старе). Великую (ныне Большую) Берестовицу как его малую родину называют практически все польские публикации XIX в.

Скончался О.М. Ковалевский 26 октября (7 ноября) 1878 г. в Варшавском университете (Польша, в составе Российской империи), за несколько минут до начала лекции. Похоронен на кладбище Повонзки в Варшаве.

Отец О. М. Ковалевского — **Михаил Антониевич (Антонович) Ковалевский** (1759 – не ранее 1844) 3 апреля 1795 г. был назначен викарием (помощником настоятеля) Гольневской церкви Успения Богородицы (в д. Гольни), с 1800 по 1812 г. являлся администратором, а с 28 июля 1812 по 25 февраля 1835 г. — священником (настоятелем) Олекшицкой деревянной Спасо-Преображенской церкви, которая, как и другие, в 1839 г. из униатской стала православной. Его плебания находилась недалеко от этой церкви. С 10 августа 1835 по 23 февраля и 20 декабря 1844 г. М.А. Ковалевский служил в Массолянской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, заменяя отсутствующего настоятеля этой церкви, который в 1827–1875 гг. был И. Ф. Качановский (1798 – не ранее 1877).

У священника М. А. Ковалевского (отца будущего ученого) было шесть детей — четыре сына и две дочери: Юлиан, Анеля, Юзеф (Иосиф = Осип Михайлович), Антоний, Теодозий, Констанция.

Первенец священника **Юлиан Михайлович** впоследствии стал статским советником, первым директором училищ С.-Петербургской губернии (предположительно в конце 1836 г.) и в 1845–1850 гг. первым директором вновь учрежденной Министерством народного просвещения С.-Петербургской Пятой гимназии.

Анеля Михайловна Булгаровская (урожд. Ковалевская, 1788 или 1789 – ?) вышла замуж за викария Массолянской церкви Рождества Пресвятой Богородицы в 1812–1820 гг. (и с 19 февраля по 14 марта 1839 г.) Стефана Михайловича Булгаровского (1788 или 1790 – 1854) из д. Гольни (в 7 км от Массолян и Олекшиц). В 1854 г. Анеля Михайловна овдовела. У четы Булгаровских была дочь (племянница востоковеда) **Франца Стефановна** (1823–?).

Антоний (Антон) Михайлович (1801–1872) — с 26 мая 1837 г. коадьютор Олекшицкой церкви, на 19 декабря 1843 г. священник, на 19 декабря 1848 г. настоятель этой церкви, затем Гродненский вице-благочинный.

Теодозий Михайлович (1803?–1870) — младший брат О. М. Ковалевского.

Констанция Михайловна Ковалевская (1803 или 1804, или 1811 – ?) — младшая сестра Осипа Михайловича, названная в записи

в исповедальной ведомости Гольневской церкви (в д. Гольни) в 1854 г. «сиротствующей священнической дочерью». Замужем не была. Данные (и разночтения в годах рождения, особенно Констанции) — из исповедальных ведомостей 1843, 1854 и 1855 гг.

Около 1839 г. Осип Михайлович женится в Казани на девице **Анне Соколовой** — русской, православного вероисповедания. Кем была эта Анна, неизвестно.

В браке у Ковалевских родились четверо детей: трое сыновей, один из которых (**Михаил**) умер в детстве, и дочь **Мария**. Дети считали себя русскими и православными. Существует версия, что Михаил не умер, а стал преподавателем истории в казанской гимназии, автором ряда учебников. Действительно, учебники по истории Древнего мира, Древней Греции и Рима, Средних веков историка М. О. Ковалевского (1871–?) издавались и переиздавались в Казани по меньшей мере с 1911 по 1918 г. Однако эта версия ошибочна: Михаил Осипович Ковалевский не поздний сын Осипа Михайловича, а его внучатый племянник.

Николай Осипович Ковалевский (8/20.05.1840 – 5/17.09.1891) — физиолог, доктор медицины (1865 г.), ординарный профессор (1868 г.), декан медицинского факультета (1878–1880 гг.) и ректор Императорского Казанского университета в 1880–1882 гг. Президент Общества естествоиспытателей при Казанском университете (1876–1879 гг.). Действительный статский советник (1877 г.).

Руководил физиологической лаборатории при Казанском университете. Был строгим последователем физического направления в физиологии, точным в наблюдениях и осторожным в выводах. Автор свыше 70 научных работ, принесших ему известность, в том числе за границей. Основные труды Н. О. Ковалевского посвящены изучению физиологии дыхания и нервных механизмов регуляции кровообращения и дыхания, а также вопросам взаимодействия между этими системами. Награжден орденом Св. Станислава I степени (1886 г.).

Павел Осипович Ковалевский (4/16.08.1843–1903) — выпускник Академии художеств, художник-баталист, академик живописи (1876 г.), профессор АХ (1881 г.). Лауреат золотых медалей на международных художественных выставках. Считался одним из лучших анималистов, изображавших лошадей. Посетил Дрезден, Мюнхен и Вену, жил в Риме, где в 1876 г., Париже. По возвращении в Россию путешествовал по Кавказу. Произведения художника хранятся в музейных собраниях Третьяковской галереи и Музея коневодства в

Москве, Государственного Русского музея и Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств в Санкт-Петербурге, в музеях Барнаула, Саратова, Севастополя, Минска (Республика Беларусь), Тбилиси (Грузия) и др. Некоторые картины находятся в частных коллекциях.

Авторы благодарят Г.В.Румак за предоставленные сведения о датах жизни некоторых родных О.М.Ковалевского.

Лю Жомэй

DOI 10.25882/gfpy-wk06

**Сравнительное исследование
трудов русского и португальского миссионеров XIX вв.
по китайской грамматике: Н.Я.Бичурин и И.М.Гонзалев**

В 1838 году в Санкт-Петербурге глава десятой Русской духовной миссии в Пекине Н. Я. Бичурин издал свой труд «Китайская грамматика», который в дальнейшем почти сто лет использовался в преподавании китайского языка и сыграл большую роль в подготовке специалистов-китаеведов России. В предисловии автор подвел итоги успехам изучения китайского языка европейскими миссионерами в Китае, которые прибыли в Китай в XVI в. Н.Я. Бобровников полагал, что одним из замечательных трудов такого рода является грамматика китайского языка португальского католического миссионера И.М. Гонзалева «Arte China», изданная в Макао в 1829 году. В докладе дается анализ трудов Н.Я. Бичурина и И.М. Гонзалева, прослеживается внутренняя связь этих двух грамматик. Автор особое внимание уделяет особенностям развития изучения китайского языка в европейской и русской филологической традиции того времени.

关于比丘林《汉文启蒙》与江沙维《汉字文法》的比较研究

北京外国语大学 柳若梅

1838年，俄国第九届东正教驻北京使团团长比丘林（）在彼得堡出版了《汉文启蒙》一书，该书问世后在俄国的汉语教学中持续被使用近百年，为俄国培养了大批汉语人才。此外，该书所体现的作者对汉语规律的准确细致把握，也为俄国的汉语研究奠定了基础

。比丘林在该书的前言中总结16世纪起进入中国的欧洲传教士的汉语研究著作，认为葡萄牙传教士江沙维的《汉字文法》是其中最为杰出的一种。本文比较《汉文启蒙》和《汉字文法》，分析两者之间的相通之处。

Д.Е. Мартынов

DOI 10.25882/q3y2-0q51

**Цинская Империя в восприятии О.М. Ковалевского
(по материалам дневников 1830 – 1831 гг.)**

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»).

Осип Михайлович Ковалевский (1800/1801 – 1878) не являлся китаеведом по обстоятельствам своей научной биографии и жизненным интересам. Тем не менее, сделавшись, во многом вынужденно, монголоведом и совершив в 1830 – 1831 гг. путешествие через монгольские кочевья до Пекина и обратно, он непосредственно столкнулся с жизнью Цинской державы в последние её относительно благополучные годы – до опиумных войн и революционных кризисов середины века оставалось менее десятилетия. Более того: свидетельства профессионального востоковеда, обстоятельства поставленного в позицию наблюдателя, в некоторой степени дают современному исследователю «масштабную линейку», которая позволяет уточнить бытовавшие в первой половине XIXв. представления.

С разрешения министра народного просвещения К.А. Ливена, Ковалевский был прикреплен к конвою XI духовной миссии в должности письмоводителя караванного пристава «для усовершенствования в монгольском языке» (то есть он был запасным переводчиком). Находясь в Иркутске, О.М. Ковалевский познакомился с о. Иакинфом – самым известным русским китаеведом, от которого получил некоторые консультации и сведения по жизни Монголии и Кореи. 8 июля 1830 г. миссия выехала из Кяхты и 14 сентября прибыла в Ургу, в которой Ковалевский оказался во второй раз. Осень оказа-

лась самым благоприятным сезоном для пересечения Монголии и пустыни Гоби, и уже 5 ноября конвой вступил на территорию Китая. В Пекине Ковалевский провёл 7 месяцев, ему активно помогали учёные X миссии – врач О.П. Войцеховский, иеромонах о. Даниил (Сивиллов), и отец-архимандрит Пётр (Каменский), для которого это уже было второе длительное пребывание в Китае. Войцеховский и Сивиллов сами стали профессорами Казанского университета, основателями кафедры китайской и маньчжурской словесности. 6 июня 1831 г. Ковалевский с миссионерами покинул Пекин и 3 сентября благополучно вернулся в Кяхту. Письма и отчёты Ковалевского из Пекина регулярно доставлялись в Казань и Петербург, часть материалов была напечатана с дозволения попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина в «Российских академических ведомостях». Критика цинского правительства, наблюдения за коррупцией, ксенофобией и отношением китайцев и маньчжуров к монголам вызывали нежелательные ассоциации с российской действительностью. Кроме того, в некоторых статьях Ковалевского содержались сведения, которые могли скомпрометировать X миссию, – например, известия о топографической съёмке и о включении в состав миссии учёных под видом вспомогательного персонала. Это могло рассматриваться китайскими властями как шпионаж; после появления очередной статьи директор Азиатского департамента К. Родофиникин обратился к министру народного просвещения и почт-директору Восточной Сибири с просьбой принять меры, чтобы данный номер «Ведомостей» не достиг Кяхты и не был доступен китайцам. Как мы убедимся чуть ниже, для таких предосторожностей более чем хватало оснований. Помимо упомянутых выше лиц, в текстах дневников О.М. Ковалевского содержатся ссылки на рукописные материалы участников X Миссии, а именно причётников А.И. Сосницкого (впоследствии – лектора китайского языка в Казанском университете и надзирателя гимназии) и Н.И. Вознесенского. Оба этих документа сохранились в Государственном Архиве Республики Татарстан, причём объёмная рукопись Сосницкого на трёх языках – русском, китайском и маньчжурском – была недавно опубликована.

Дневники 1828 – 1831 гг. были О.М. Ковалевским обработаны и подготовлены к публикации в шести томах: первые три были посвящены Бурятии и Монголии, четвёртый и пятый – поездке в Китай и шестой – истории католической миссии в Пекине. К несчастью, в 1864 г. дом Ковалевского в Варшаве во время покушения на намест-

ника Царства Польского Ф.Ф. Берга был разгромлен карателями. Рукописи неопубликованных трудов были утрачены, что в итоге привело к полному отказу О.М. Ковалевского от всех востоковедных штудий. Уцелели только три дневника, хранящиеся ныне в Казани, Санкт-Петербурге и Вильнюсе. Они были опубликованы Р.М. Валеевым и И.В. Кульганек в 2006 г., О.Н. Полянской в 2008 и 2012 гг.

Опубликованные дневники О.М. Ковалевского не являлись частным документом, поскольку велись согласно инструкции, составленной профессорами Казанского университета В.Я. Булыгиным и Ф.М. Эрдманом. Естественно, что тексты отражали как официальную точку зрения, так и собственные воззрения Ковалевского. В этой связи примечательным нам представляется некое несоответствие между теоретическими декларациями Ковалевского – учёного и его личными взглядами, искренность которых не может вызывать никаких сомнений. Важным источником первых является его актовая речь «О знакомстве европейцев с Азией», произнесённая 8 августа 1837 г. В известной степени О.М. Ковалевский придерживался общего для тогдашнего западного востоковедения скептического отношения к Китаю и его государственности. Наиболее примечательно в этом контексте то, что Ковалевский общался с двумя высокопрофессиональными китаеводами, которые выражали полярно противоположные подходы. Как уже упоминалось, в Иркутске О.М. Ковалевский лично познакомился с о. Иакинфом (Н.Я. Бичуриным, 1777 – 1853). Иакинф, в 1808 – 1821 гг. возглавлял IX духовную миссию в Пекине и стал первым русским китаеведом мирового уровня, труды которого и по сей день входят в золотой фонд синологической науки, востребованы и регулярно переиздаются. Ковалевский в дальнейшем писал отзывы на некоторые труды синоведа, представленные на соискание Демидовской премии. Ему также принадлежала рецензия на грандиозный свод переведенных Иакинфом китайских источников «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1850).

Д.Е. Мартынов, Р.М. Валеев, М.С. Минеева, В.Н. Тугужекова

DOI 10.25882/ewzt-t464

**Путешествие Н. Ф. Катанова в монгольский Урянхай (1889 г.)
и его материалы о Монголии и Туве**

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»).

Научное путешествие Н.Ф. Катанова (1862 – 1922), совершенное по территориям Восточной Сибири, Тувы, Семиречья, Тарбагатая и оазисов Восточного Туркестана в 1889–1892 гг., имеет значение и для истории монголоведения. Публикация дневниковых материалов Н.Ф. Катанова чрезвычайно запоздала и началась только в наши дни, весьма существенная часть экспедиционных бумаг ещё ожидает научного комментария и выпуска в свет.

В российской географической науке XIX в. под Монголией понимали «высокое плоскогорье, окаймленное на С. Русским Алтаем, Саяном и Гэнтэйем, на В. Хинганом, на Ю. Иньшанем и на З. Южным, или Монгольским, Алтаем, иначе назыв. Эктагом» между $37^{\circ}30'$ — $53^{\circ}45'$ с. ш. и $85^{\circ}20'$ — 124° в. д.. Путь Н.Ф. Катанова пришёлся на часть этой территории, именуемой Усинским или Урянхайским краем, «между 50 и 53° с. ш. и 59 — 69 в. д. по обе стороны русско-китайской границы, ...в горной стране, образуемой хребтами Саянским, Алтайским, Эргик-Таргак-Тайга и Танну-Ола». Это пространство было заселено как тюркскими, так и монгольскими народами, причём в отношении многих из них, особенно тувинцев, в науке того времени не было определённого мнения. С 15 марта по 28 августа 1889 г. Н.Ф. Катанов проделал около 700 вёрст по тувинским территориям от фактории на р. Чакуль до Улуг-Кема, Джиргака, и Джир-Джарика, откуда вернулся на свою стационарную базу в с. Аскиз, близ Абакана. Он собрал огромный полевой материал (1122 песни, 160 загадок, 15 сказок, 35 мифов), причём информаторы позволяли ему фиксировать их имена и возраст, чего не удавалось ни одному из прежних исследователей. Труд «Очерки Урянхайской земли» был создан в предельно сжатый срок – 7 месяцев, шесть из которых заняли собственно полевые исследования.

Именно путешествие в Урянхайский край в полной мере раскрыло исследовательский дар учёного как замечательного этнографа и фольклориста. Огромное значение имел тот факт, что для Н.Ф. Катанова не существовало языкового барьера. Во время работы над «Опытом исследования урянхайского языка», опубликованного по частям в Казани в 1899 – 1903 гг., учёный привлёк для сравнительного сопоставления все известные на тот момент тюркские языки – 5 древних и 42 современных. Все подготовленные Н.Ф. Катановым труды по результатам своей экспедиции резко контрастировали с его главной лингвистической монографией. Имея дневниковую форму, они писались «по горячим следам» и фиксировали колоссальный пласт разнообразной информации, которая подвергалась лишь первоначальному осмыслению. Содержание и построение «Очерков Урянхайской земли» и «Путешествий» в Сибирь, Тарбагатай и Восточный Туркестан делают их своего рода энциклопедией по всем перечисленным странам. Например, в рукописи дневника за 1891 г. помещена сводная таблица расстояний между Пекином и 24 городами Синьцзяна (включая округа Тарбагатай и Или), а также астрономическая таблица для проверки времени. Энциклопедический охват характерен и для описания духовной и материальной культуры народов Синьцзяна и Тарбагатая.

В дальнейшем с монгольскими народами Н.Ф. Катанову довелось встречаться во время трёхкратных попыток добраться до оазисов Хами и Турфан, населенных уйгурскими субэтносами. В ходе первой поездки от Чугучака до Урумчи летом 1890 г., Н.Ф. Катанов общался с представителями западномонгольских народов, которые обобщённо именовал «калмыками». На тот период они не составляли предмета специального интереса.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Н.Ф. Катанов находился в Чугучаке, где ожидал получения паспорта для проезда по всей территории Синьцзяна (данная история затянулась и потребовала вмешательства МИДа и пекинских властей). Поскольку основной задачей Катанова было «исследование остатков тюркских племён», в сводках собранных им фольклорных материалов не представлены тексты на монгольских языках [6, л. 2–20б]. Отдельный интерес представляет «Рассказ о монгольских племенах Дзунгарии», помещённый в дневник путешествия 1891 г. Данный материал будет нами опубликован отдельно.

DOI 10.25882/jgn8-vw87

**О рукописной коллекции Улан-Хольского Хурула
(Буддийского Храма) Калмыкии**

Статья подготовлена при финансовой помощи проекта РФФИ «№ 16-04-00281-ОГН\18 «Частные коллекции калмыцких (ойратских) рукописей в России и Китае (по материалам археографических экспедиций 2012-2014 гг.)»

В данном докладе предлагается описание рукописной коллекции Улан-Хольского хурула (храма) в Лаганском районе Калмыкии. В апреле 2013 года мы произвели первичное обследование книжной коллекции хурула, а именно ее ойратской части. Рукописи поступили в хурул от родственников бывших священнослужителей, которые проживали в селе Улан-Хол. Основная часть рукописных книг принадлежали Цагану Атхаеву (монашеское имя Нгаванг Чопел) и была передана его детьми при открытии храма. В коллекцию входят буддийское каноническое сочинение «Ваджрачхедика праджня-парамита сутра», сборник рассказов о пользе чтения «Ваджрачхедики-праджня-парамиты сутры», обрядовые тексты, читаемые при совершении ритуала «Отрезание черного языка», послания-пророчества, а также большой корпус текстов астрологических сочинений, таблиц и календарей, которые были составлены владельцем коллекции Цаганом Атхаевым. В докладе дается обзор автографам Ц. Атхаева, которые были переписаны им с источников, хранящихся в рукописных коллекциях других священнослужителей, приведены транслитерация и перевод на русский язык письменного памятника «Поучение Богдо Далай-ламы» (ойр. *Boqdo Dalai blamayin zarliq*). Дана также краткая биография Цагана Атхаева. Автор приходит к мнению, что рукописи и ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях, могут пролить свет на историю культуры и религии у калмыков.

На сегодняшний день собиране, археографическое описание и введение в научный оборот ойратских литературных памятников, имевших хождение среди ойратов и калмыков, является одной из актуальных проблем монголоведения.

Ойратские рукописи, хранящиеся в частных семейных коллекциях представляют большой научный интерес. Некоторые частные рукописные коллекции изучались и были опубликованы Д. Н. Музраевой. Часто они являются семейными реликвиями, которые передаются из поколения в поколение. Как правило, владельцами их являются бывшие священнослужители, которые сняли с себя духовный сан в годы гонений на религию, но продолжали тайно практиковать буддизм, читать религиозную литературу, по просьбе верующих проводить обряды.

Цаган Утаевич Атхаев -- один из последних калмыцких буддийских священнослужителей, который получил религиозное образование до революции. Родился в 1900 году в хотоне Овгеш Эркетеневского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии. В марте 1936 г. был приговорен к пяти годам лишения свободы. После отбытия срока вернулся на родину и тайно практиковал буддизм. В 1943 году вместе со всем калмыцким народом Цаган Утаевич был сослан в Сибирь, где и жил до 1957 года, т.е. до возвращения на родину. На родине в поселке Улан-Хол Каспийского района (ныне Лаганский район) он продолжил практиковать буддизм.

Рукописная коллекция Цагана Атхаева в 1999 году была разделена на две части. Одна часть осталась в семье сына Бадмы, а вторая по устному завещанию Цагана была передана в Улан-Хольский хурул. Во время экспедиции нам удалось оцифровать пять свитков ойратских рукописей, хранящиеся в п. Улан-Хол в доме сына Ц. Атхаева. Среди его рукописей встречаются буддийское каноническое сочинение («Ваджраччхедика праджня-парамита сутра»), комментарии о пользе чтения «Ваджраччхедики-праджня-парамиты сутры» (ойр. *X[u]ot[u]oqtu biligiyn činadu kürüqseni ači tusa talibir orošiba*), обрядовые тексты, читаемые при совершении ритуала «Отрезание черного языка» (ойр. *Xara keleni xariuldaq sudur*), послания-пророчества (ойр. *Boqdo Dalai blamayin zarliq, Xamugi ayiladuqčiyin zarliq*), а также большой корпус текстов астрологических сочинений, таблиц и календарей.

Ойратская рукопись «*X[u]ot[u]oqtu biligiyn činadu kürüqseni ači tusa talibir orošiba*» является переводом с тибетского языка. Сочинение представляет собой пятнадцать рассказов о пользе чтения сутры «Ваджраччхедика праджня-парамита сутры». Одним из интересных текстов, относящихся к жанру «посланий» из коллекции Цагана

Атхаева является «*Boqdo Dalai blamayin zarliq*» (Послание Великого Далай-ламы), адресованное живым существам.

В коллекции Цагана Атхаева представлено астрологическое сочинение, которое написано на ойратском языке. Рукопись представляет собой двадцать листов сшитых между собой белой нитью. Сочинение не имеет названия.

Из данной коллекции к обрядовым произведениям можно отнести текст, «*Xara keleni sudur orošiba*» (Сутра черного языка). Это сочинение было очень популярным среди верующих калмыков.

В коллекции также имеются отдельные разрозненные двуязычные тексты, написанные на тибетском и ойратском языках, такие как медицинский рецепт от глухоты.

Большой интерес вызвал текст рукописи, посвященный культу Белого Старца (ойр. *Sayān öbügen*, калм. *Цаган аав*). В этом сочинении речь идет о встрече Белого Старца с Буддой Шакьямуни.

В коллекции Ц. Атхаева хранится небольшая рукопись, посвященная четырем основным деяниям Будды Шакьямуни (калм. *дөрвн дүүцн*). Этот рукописный текст служил исходным материалом для составления калмыцкого лунного календаря.

Рукописи, переписанные самим хранителем (автографы) обычно подписаны «*Atxan Sayan bišiba bi*» (*писал я, Цаган Атхаев*).

Таким образом, не смотря на атеистическую пропаганду и запрет отправления религиозного культа в стране, бывшие священнослужители тайно переписывали религиозную литературу, перенимали знания у монахов имеющих более высокую духовную степень. Рукописи и ксилографы, хранящиеся в семьях потомков бывших священнослужителей, являются источниками по изучению старописьменной литературы, истории буддизма в Калмыкии и культуры ойратов и калмыков. По составу рукописной коллекции Цагана Атхаева можно судить о круге религиозной литературы (буддийское каноническое сочинение, сборник рассказов о пользе чтения, обрядовые тексты, послания-пророчества, астрологические сочинения, таблицы и календари), которому он отдавал предпочтение и его специализации как буддийского астролога. Транслитерация и перевод на русский язык ойратских рукописей из коллекции Улан-Хольского хурула внесет существенный вклад в исследование письменной культуры (ойратов) калмыков.

DOI 10.25882/kzq8-3w04

«Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (1717) – один из источников «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского (1844)

Толковый двуязычный словарь «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (маньчж. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bihe*, монг. *Qayan-u bičigsen manju, mongyul ügen-ü toli bičig*) (далее – НАММ), созданный в 1717 году, занимает важное место среди словарей, созданных в период правления династии Цин. Он – единственный в «серии» словарей, изданных по указу императора, имеющий параллельный перевод на монгольский язык не только самих маньчжурских слов, но и их толкований.

Словарь состоит из 29 тетрадей, и в нем около 12000 заглавных слов. Распределение слов организовано тематически по всей его структуре, начиная с 45 глав (маньчж. *šošohon*, монг. *quriyangyui*), по 280 разделам (маньчж. *hacin*, монг. *jüil*), и кончая 400 подразделами (маньчж. *meyen*, монг. *anggi*).

Каждое заглавное слово в словаре НАММ имеет основное толкование (ОТ), но при некоторых словах есть также дополнительные толкования (ДТ). Значение слова в ОТ всегда соответствует данному разделу, в ДТ могут объясняться значения слова, выходящее за рамки данного раздела, его переносное значение, омонимы, сочетания заглавного слова с другими словами. Заглавное маньчжурское слово, объясняемое и в ОТ, и в ДТ, всегда одно и то же, но в монгольском переводе могут использоваться разные слова.

Через 100 лет, уже в XIX веке вышел в свет трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (далее — МРФ), созданный известным монголоведом О.М. Ковалевским. Он является одним из самых знаменитых словарей монгольского письменного языка, который до сих пор используют при чтении старописьменных монгольских текстов самой разной тематики. Академия наук России увенчала этот труд Демидовской премией и избрала О.М. Ковалевского в число членов-корреспондентов.

В предисловии к своему словарю, О.М. Ковалевский пишет: «В 1828 году, отправляясь, на иждевении правительства,

в продолжительное и трудное путешествие по Азии, я предположил себе, между прочим, составить и монгольский словарь... он, может быть, не удовлетворил всем условиям; но я и не имею притязания на совершенство: мое единственное было желание облегчить другим дальнейшие разыскания в новой еще области азиатской литературы» [МРФ, с. III, XIII].

В списке сочинений, которыми пользовался О.М. Ковалевский, перечислено 80 источников, включая несколько словарей. Среди них имеется и словарь НАММ, для которого выбрано сокращение «Т» [МРФ, с. XI]. В словаре МРФ слова даются по традиционному порядку букв монгольского алфавита, старописьменно-монгольским шрифтом с русским и французскими переводами.

Сравнение корпуса словарей НАММ и МРФ показало, что подавляющее большинство монгольских слов из словаря НАММ, было включено О.М. Ковалевским в свой словарь. Все эти слова имеют ссылку на номер тетради и листа по изданию словаря НАММ. Листы в оригинальном издании словаря пронумерованы китайскими цифрами, напечатанными на сгибе листа, поэтому в словаре МРФ при ссылке на номер листа нет указания на лицевую (recto) и оборотную (verso) стороны листа. Однако для упрощения поиска слов удобнее использовать такое указание. О.М. Ковалевский в своем словаре внес некоторые изменения, касающиеся представления в нем глаголов. Глаголы, которые в словаре НАММ приведены в финитной форме (маньчж. *-mbi*, монг. *-mii²*), в словаре МРФ даются в форме причастия (монг. *-qu²*). Также он не включил все многочисленные формы глаголов (в отдельных случаях до четырнадцати), которые сопровождают в словаре НАММ большинство глаголов, ограничившись только формами залогов, не включая и монгольские сочетания глаголов или аналитические формы, которые передают значение суффиксов маньчжурского языка.

При некоторых заглавных словах в МРФ приводятся несколько ссылок на разные места в словаре НАММ. Это означает, что значения слова были собраны из разных тематических разделов этого словаря. Например, при монг. *a* указаны четыре ссылки на четыре значения: ¹междометия удивления, изумления, ужаса. Т. 9, 28. ²означ[ает] одобрение, согласие: да, так, точно. Т. 7, 42. 12, 50; ³черточка, штрих в письме, живописи; ⁴знак *o* или кружок, поставляемый в начале письма. Т. 3, 63 [МРФ, с. 1]. Эти ссылки соответствуют четырем значениям этого слова в разных разделах: в

разделе «Звуки и шум», оно обозначает «звук от ужаса» [НАММ, т. 9, л. 28б-29а], в разделе «Спрашивать и отвечать» — «одобрение и согласие на ответ собеседника» [НАММ, т. 7, л. 42б-43а], похожее значение отмечено у этого слова еще в одном разделе — «Пустые слова»: «да, так, точно» [НАММ, т. 12, л. 50а-б], а в разделе «Письменность» монг. *a* — слово, обозначающее «черточка, штрих в письме» [НАММ, т. 3, л. 63а]. Все эти четыре ссылки точно указаны в словаре О.М.Ковалевского.

В то же время, указание в словаре МРФ всех ссылок НАММ не всегда влечет за собой указание всех возможных переводов. У следующих слов перевод соответствует только основному значению слов из раздела «Тело человека» (Т. 5), а другие значения никак не указаны, хотя ссылки на них есть: монг. *kijjügi* ‘шея, выя, горло Т. 5, 60. 4, 88’ [МРФ, с. 2621] (вторая ссылка на раздел «Производство оружия для войска», значение — «часть наконечника копья»); монг. *erekei* ‘большой палец на руках и ногах Т. 5, 62. 19. 99’ [МРФ, с. 230] (вторая ссылка на раздел «Понятия, относящиеся к телу птиц», значение — «первый (задний) палец у куриц»); монг. *čabi* ‘пах, брюшина, брюшки Т. 5, 67. 15, 75’ [МРФ, с. 2091], (вторая ссылка на раздел «Мех и кожа», значение — «подбрюшная часть шкуры животного с мехом»); монг. *ula* ‘ подошва (ноги, сапога, башмака) Т. 5, 69. 10, 56. 15, 71.’ [МРФ, с. 392], (вторая ссылка на раздел «Ругать и проклинать», обозначает унижение человека, третья — раздел «Мех и кожа», значение — «подошва (у обуви)»).

С другой стороны, ссылку на одно место в словаре НАММ можно найти в разных местах словаря МРФ. Это слова, у которых монгольские переводы из ОТ, отличаются от ДТ. Например, в НАММ маньчж. *cilcin* ‘железы’ (ОТ) в сочетании с отрицанием имеет значение «безупречный» (ДТ). Его основное значение переводится как монг. *bulčirqai* ‘железы’. Для перевода второго значения «безупречный» использовано монг. *kenčir-e ügei* ‘безупречный’. В словаре МРФ оба слова есть со ссылками на одно место в словаре НАММ — Т. 5, л. 75, но в разных томах, как того требует алфавитный порядок словаря МРФ. Переводы этих слов на русский соответствуют двум его толкованиям: монг. *bulčirqai* ‘шейные железы, желваки на шее, заушница’, и монг. *kenčir-e ügei* ‘без недостатка, без погрешностей, с точностью’ [МРФ, с. 1199; 2446].

Ближние значения слова, объясненные в словаре НАММ в ДТ, в словаре МРФ приводятся при заглавном слове, но через «двоеточие»

и с указанием порядкового номера значения над строкой, например, монг. *terigün* ‘голова, глава: ²начало: ³начальный, передний, главный, первый’ Т. 5, 47’. [МРФ, с. 1770].

Рассмотренные примеры показывают, что О.М.Ковалевский при составлении своего словаря широко использовал материал из НАММ, в первую очередь заглавные слова, но также использовал их толкования как для русского и французского переводов, так и для расширения числа заглавных слов. Весь материал был представлен с учетом того, что его основным языком монгольский, а не маньчжурский.

Д.А. Носов

DOI 10.25882/b0y1-1t90

Изучение фольклора монгольских народов выпускниками Казанской Духовной Академии

С начала XVIII в. перед Российской империей встала задача освоения восточных окраин, что потребовало подготовки специалистов со знанием языков и быта проживавших там народов, а также приграничных государств. Это послужило основанием для формирования трех направлений практического востоковедения – дипломатического, военного и духовного, целью которого стало привлечение народов Востока в лоно православной церкви.

Значительную роль среди народов империи играли исповедовавшие буддизм буряты и калмыки. Работа с ними требовала от православных миссионеров особой подготовки - знания языка, вероучения и быта своей будущей паствы.

Одним из первых преподавание письменного и разговорного монгольского языка – широко применявшегося среди этих народов, было введено в Иркутской семинарии, но уставом духовных училищ от 1869 г. восточные языки были исключены из учебных программ. Однако без них не могла обойтись Казанская епархия, миссионерам которой необходимо было работать с носителями татарского, якутского, монгольского, тунгусского, калмыцкого, чувашского, марийского, мордовского, вотяцкого и остяцкого языков. Наряду с татарским, турецким и арабским, правление повторно открытой в 1842 г. Казанской духовной академии (далее - КДА) сконцентрировалось на монгольском и калмыцком языках.

С этого же времени КДА стала взаимодействовать с Казанским университетом. Поначалу студентов допускали в университет на лекции по татарскому, монгольскому и калмыцкому языкам, а затем преподаватели университета читали лекции отдельно для будущих миссионеров. Заложенные традиции академического востоковедения позволили выпускникам и сотрудникам КДА внести значительный вклад в науку, в том числе и в фольклористику.

Первым среди них следует назвать монголоведа Алексея Александровича Бобровникова (1821-1865), который был принят в 1847 г. по окончании курса на кафедре КДА и получил задание ректора составить учебное пособие по калмыцкому языку. Под руководством профессора Казанского университета, известного монголоведа А.В. Попова (1808-1865) он составил программу командировки в калмыцкие степи, в которую особым пунктом входило этнографическое исследование, подразумевавшее в те годы среди прочего и сбор фольклорного материала. Основательно погрузившись во все аспекты калмыцкого языка, Бобровников в 1855 г. опубликовал перевод главы из эпоса «Джангар». Эта работа стала первым опытом перевода калмыцкой народной поэмы на русский язык.

Совершенно иначе сложилась судьба другого выпускника КДА – Афанасия Прокопьевича Щапова (1831-1876). Сын русского священника и бурятки, родившийся в Верхотенском уезде Иркутской губернии, окончил КДА в 1857 г. и стал известен как историк Раскола Русской церкви XVII в. Но еще во времена учебы он находился под сильным влиянием А.А. Бобровникова и с 1866 г. активно занялся полевыми антропологическими и этнографическими исследованиями Восточной Сибири. К сожалению, большая часть собранного им материала погибла в иркутском пожаре 1879 г. Но несколько статей, опубликованных перед самой кончиной автора - «Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении» (1872) и «Бурятская улусная родовая община» (1874) свидетельствуют о том, что ему удалось познакомиться с традицией бурятской сказочной прозы.

Особого внимания заслуживает деятельность преподавателя Иркутской духовной семинарии, протоиерея Иннокентия Александровича Подгорбунского (1862-1913). Окончивший в 1888 г. КДА миссионер сразу же по возвращении в Иркутск осуществил в соавторстве с Г.Н. Потаниным (1835-1920) издание каталога предметов ламского обихода из фондов музея Восточно-Сибирского отделения

Русского Географического общества. Вероятно, не без влияния последнего Подгорбунский обратил внимание на шаманизм и подготовил две значительные для своего времени работы: «Из мифологии монголов и бурят-шаманистов» и «Шаманистические верования монголов и бурят», опубликованные в 1894 и 1895 гг. В них был обширно использован фольклорный материал. Знакомство с живыми разговорными монгольскими языками побудило его заняться вопросами практической лингвистики, а именно подготовить русско-монгольско-бурятский словарь и приступить к составлению грамматики разговорного бурятского языка. Тем самым он повторил путь многих выдающихся выпускников КДА.

Изучение фольклора монголов, бурят и калмыков не был основной задачей выпускников КДА, но их интерес к живому разговорному языку, а также длительное пребывание в среде носителей традиции позволили собрать обширный материал по различным жанрам устного народного творчества монгольских народов.

К. В. Орлова

DOI 10.25882/peg0-v675

О.М. Ковалевский и документальное наследие монгольских народов

Юбилей кафедры монгольского языка в Казанском университете (1833 г.), который возглавил блестящий ученый, монголовед Осип Михайлович Ковалевский, не случайно отмечается в стенах Казанского Федерального университета. Из стен Имп. Казанского университета, правопреемником которого является Казанский Федеральный университет, вышли блестящие ученые, составившие славу и мировое признание российского востоковедения. С именем Ковалевского связывается становление научного монголоведения в России на качественно новый уровень. Он известен как выдающийся исследователь по истории и культуре монгольских народов, автор фундаментальных работ по Монголии, не потерявших свое значение до настоящего времени. Экспедиция в Восточную Сибирь, Монголию и Китай (1828–1833) в составе Российской духовной миссии позволила адъютанту Ковалевскому собрать уникальный документальный материал, «вошедший в золотой фонд мирового и отечественного монголоведе-

дения и буддологии». Из этой поездки Ковалевский привез 2433 книг, в том числе 8 рукописей. Уже на следующий год после возвращения из экспедиции (1833) был опубликован Каталог привезенных рукописей с подробной разбивкой по тематике. Так, в составе Каталога выделены «учебная литература» (№ 1–21), «богословские» (№ 22–124), «нравственные» (№ 125–128), «философические» (№ 129–132), «юридические» (№ 133–140), «повествовательные, исторические и географические» (№ 141–178), «медицинские и по естественной истории» (№ 179–185), «астрономические» (№ 186–187). Если обратить внимание на количество приобретенных книг, то преобладают «богословские» (т.е. буддийские) и «повествовательные, исторические и географические». И это не случайно. Ковалевский, как блистательный знаток монгольской истории и культуры, как никто другой, отчетливо осознавал, что понимание буддизма, погружение в него и уяснение основных постулатов невозможно без освоения богатейшей письменной культуры. Многие сочинения, наряду с другими, были рекомендованы и внедрены О.М. Ковалевским в качестве учебного материала для изучения монгольского языка.

Сохранению документального наследия монгольских народов способствовал исключительно подвижнический труд блестящих ученых, миссионеров, священников, студентов, благодаря которым в России (Санкт-Петербурге, Казани, Улан-Удэ, Элисте, Кызыле) сегодня сосредоточены богатейшие и заслуживающие внимания собрания восточных рукописей и печатных книг. Сбор письменных источников не ограничивался российскими территориями. Практически все русские монголоведы выезжали в Монголию для изучения языка, фольклора и сбора письменных источников, значительная часть которых ныне хранится в рукописном отделе Института восточных рукописей РАН. Обозревая эти собрания, можно обнаружить как широко известные канонические сочинения, редчайшие печатные издания, так и обрядовую и этико-назидательную литературу.

В настоящее время и в самой Монголии уделяют большое внимание целенаправленному сбору и комплектации письменных источников. В Улан-Баторе богатейшие коллекции хранятся в Государственной Публичной библиотеке (далее – ГПБ) и в рукописном фонде Института языка и литературы АН Монголии. Коллекция ГПБ – одно из уникальных и интересных собраний, в котором собрано несколько сотен тысяч письменных источников на старописьменном монгольском, ойратском, тибетском и других восточных языках. Со времени

основания ГПБ (1951 г.) сюда поступали рукописи и ксилографы разными путями – из частных коллекций, а, в основном, — из монастырских библиотек. Коллекция Института языка и литературы АН Монголии берет начало со времени его основания — 1921 г. Ойратское собрание Института известно из описания Х. Лувсанбалдана, в 2005 г. опубликован «Краткий каталог ойратских рукописей, хранящихся в Институте».

Среди частных коллекций в Улан-Баторе выделяется собрание письменных источников из дома-музея акад. Ц. Дамдинсурэна, которое складывалось постепенно: из каждой поездки привозились огромные кипы рукописей и ксилографов. Часть рукописей и ксилографов впоследствии была передана в ГПБ, оставшаяся часть (около 4000 экземпляров) и составила личную коллекцию академика. Данная коллекция интересна тем, что «большинство книг снабжено пометами, описаниями, замечаниями» ученого, включенные в раздел «комментарии». В эти «пометы» вошли археографические описания рукописей и ксилографов, их происхождение и приобретение, качество источников, «соотношение с другими версиями, состав».

В Улан-Баторе активно функционирует Центр по изучению ойратской истории и культуры «Тод номын гэрэл» («Свет ясного письма»), среди основных целей которого работа по выявлению, описанию и сохранению письменного наследия. В 2011 г. была описана и отсканирована коллекция ойратских, тибетских и монгольских рукописей (140 наименований) из двух монастырей Западной Монголии – Раашгонзэглин (68 экз.) Кобдоского аймака и Раашчойлин (72 экз.) Баян-Улгий аймака. Эта работа была выполнена совместно с Американским центром монголоведных исследований (American Center for Mongolian Studies).

Следует также отметить, что появляются данные по сбору рукописных материалов по аймакам Монголии: монастырские библиотеки и личные коллекции аратов. Наиболее интересные коллекции представлены в личных собраниях жителей аймаков Монголии; сельские жители, а, в основном, это араты-скотоводы и являются хранителями книжной культуры.

Как верно отметили Р.М. Валеев и И.В. Кульганек, подготовивших дневник путешествия О.М. Ковалевского, «единство исследовательских задач и проблем, которые стояли перед учеными, предпринимающими научные экспедиции в XVII–XIX вв., сохраняется и перед учеными и путешественниками XXI в. <...> прослеживается пре-

емственность методов поиска и исследования материалов об историко-культурном наследии народов России и Центральной Азии».

Эстафета научных экспедиций, которые проводили, помимо О.М. Ковалевского, другие выдающиеся исследователи и путешественники, продолжается и в наши дни. Современные участники активно включились в проведение полевых исследований в рамках комплексных этнолого-лингвистических, историко-этнографических, фольклорных и др. экспедиций, стараются сохранять преемственность научных изысканий в Монголии и буддийских республиках России (Бурятия, Калмыкия и Тыве). Дальнейшие шаги по выявлению, описанию и публикации письменного наследия монголов пополнят наши знания в этой до сих пор малоизведанной области ее распространения.

Т.А. Пан

DOI 10.25882/khf2-m606

В.П. Васильев о связях китайского языка со «среднеазиатскими» языками

Работа выполнена в рамках проекта № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»

Письменное наследие акад. В.П. Васильева отражает большой научный кругозор ученого. В нем представлены работы по философии и религии Востока, синологии (языку и литературе), языкознанию, политической истории и экономике, археологии и географии, библиографии Востока, заметки по востоковедению. Среди изданных пособий по китайскому языку, филологических и исторических комментариев к китайским текстам выделяется довольно объемная лингвистическая статья «Об отношении китайского языка к среднеазиатским», опубликованная В.П. Васильевым в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1873 г. Статья имеет подзаголовок: «Посвящается моему молодому другу И.П. Минаеву» и была издана после выхода книги И.П. Минаева «Очерк фонетики и морфологии языка Пали» (СПб, 1872). Вполне вероятно, что статья В.П. Васильева была написана под влиянием этой работы И.П. Минаева, в которой дается сравнительно-исторический анализ языка пали и большое культурологическое введение о влиянии санскрита и буддизма на

язык и индийскую культуру, а также на индийские языки. Во второй половине XIX в. сравнительно-историческое языкознание было наиболее развивающимся направлением лингвистики, все европейские языки рассматривались как индоевропейская семья с общим праязыком – санскритом. И.П. Минаев разобрал эту же проблему и для индийских языков. В своей статье В.П. Васильев обратился к тем языкам, которыми занимался он, и попытался использовать сравнительно-исторический метод для определения родства «среднеазиатских языков» и выявить их общий праязык.

Не считая себя профессиональным лингвистом, В.П. Васильев в начале статьи пишет: «Китайский язык и его литература требуют такого разнообразного труда, что одному человеку нельзя во всем равно успеть, а между тем, чем больше изучаешь, тем более выступают все новые и новые вопросы, которые имеют притягательную силу, и которых хотелось бы коснуться. От этого-то я и не мог посвятить себя филологии всецело <...>. Известно, что я коснулся в моей учебной деятельности всех этих предметов (т.е. различных аспектов китаистики – *Т.П.*), и потому от меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думаю себя винить; всякий занимается тем, к чему способен, и я гораздо более считаю для себя и для настоящего времени почетным – внести в науку одну или две свежие идеи, которые расшевелили бы ее, чем дарить тяжеловесным специальным трудом, который в свое время при развитии науки, окажется все-таки ученою игрушкой» (стр. 84)

Важность анализа китайского языка в диахронии и его влияния на другие языки объясняется В.П. Васильевым длительным историческим развитием языка: «Если на моносиллабические языки смотреть, хоть не как на остатки древнейшего человеческого слова, а как на памятники, по которым можно возвыситься до суждения об этом слове, следовательно, как на краеугольный камень филологии, то мы находим, что осмысленного изучения моносиллабических языков никто еще и не начинал. Никто не станет отрицать, что китайский язык в среде этих моносиллабических языков, представляет материалы самые древние; между тем филология его обходит и исключает из своей среды; а что сделали до сих пор специалисты синологии? Догадались ли они разобрать древние книги и указать в них варианты различных наречий, давшие оттенки древней письменности? Разрабатывали ли они существующие поныне китайские наречия? Обратили ли внимание на скрывающиеся в одном и том же слове различные корни? <...> Кто подумал о сравнении корней китайского языка с

санскритским? А между тем, может быть, как я предполагаю (насколько мне известен санскритский), эти корни общие; по той же методе, по которой я в этой статье разбираю отношение китайского языка к среднеазиатским, можно отыскать объяснение флексий, суффиксов, префиксов и даже синтаксических уклонений, по крайней мере, в арийских языках» (стр. 83). Призыв В.П. Васильева к специальному изучению китайского языка был, отчасти, адресован европейским лингвистам того времени, которые полагали, что китайский язык не имеет никакой связи с другими языками, что он живет «какой-то особенной, не подходящей под общие законы человеческой речи, жизнью» (стр. 85). Ученый категорически не соглашался с мнением Вильгельма Гумбольта и его последователей о том, что в китайском языке нет грамматики, и что этот «язык не принадлежит де к области других языков и что о нем не стоит говорить» (стр. 103).

Под «среднеазиатскими языками» автор имеет ввиду маньчжурский, монгольский, татарский, турецкий, тибетский, то есть языки народов, населяющих «сплошную массу от Восточного океана до Средиземного моря, заходящее в Сибирь и в Европу с одной стороны, и проникшее в Китай с другой» (стр. 82).

Ставя своей задачей показать влияние китайского языка на языки соседних северных регионов, В.П. Васильев увлекался поиском китайских корней и этимологии слов в языках алтайской группы (маньчжурском, монгольском, татарском и турецком), зачастую утверждая о ней там, где ее нет, судя лишь по наличию созвучного слога или даже звука в корнях слов этих языков. Этим ученый хотел доказать первичность китайского языка по отношению к «среднеазиатским» языкам, ошибочно называя его «первообразным» языком, на котором «мог говорить человек на первых порах развития человеческой речи» (стр. 103).

Статья В.П. Васильева «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» не была однозначно оценена востоковедами. В 1918 г. В.В. Бартольд писал: «Отношение средне-азиатских языков к китайскому не могло быть вполне ясно Василию Павловичу, вследствие отсутствия лингвистической методологии; уже им было начато то сопоставление китайских корней с индо-европейскими, которое потом довел до крайности его ученик С.М. Георгиевский. Кроме того, Василий Павлович, как его сверстник, тюрколог И.Н. Березин, оставался на почве “Recherches sur les langues tartares” Абель-Ремюза (1820) и продолжал объяснять из китайского языка турецкие окончания. Наконец он предполагал непосредственное участие китайцев, будто бы в большом количестве переселявшихся в степь, в движен-

ях кочевых народов. При таких условиях естественно, что влияние Китая на жизнь среднеазийцев в трудах Василия Павловича несколько преувеличивалось» (см.: Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П. Васильева // Столетие дня рождения академика Василия Павловича Васильева. Известия Российской Академии Наук. Петроград, 1918, с. 554.)

Тем не менее, следует сказать, что работа В.П. Васильева является первой попыткой сравнительно-исторического анализа китайского языка, и может быть интересна как отражение раннего этапа развития алтаистики.

М.П. Петрова

DOI 10.25882/9777-9v71

Магический реализм в романе Г. Аюурзаны «Тайны священного Хангая»

Метод магического реализма не является абсолютно новым для монгольской литературы XX – начала XXI вв. Им активно пользуются такие авторы, как Д. Батбаяр (род.1941), Л. Дашням (род.1943), Г. Мэнд-Ооёо (род.1952), Ц. Тумэнбаяр (род.1959), Л. Ульдзийтугс (род.1972) и другие. В их произведениях магические элементы включены в реалистическую картину мира.

Современный монгольский писатель Г. Аюурзана (род.1970) известен широкой читательской аудитории своими романами «Мираж» (2003), «Долг в десять снов» (2005), «Рождённые эхом» (2007), ставшими образцом постмодернистской прозы в литературе Монголии последнего времени. Обратившись от постмодернизма к реалистическому методу, Г. Аюурзана выпускает романы «Легенда о шамане» (2010), «Шугдэн» (2012), «Белый, чёрный, красный» (2014), «Пульсация» (2015), в которых касается важных социокультурных проблем современного общества.

Роман «Тайны священного Хангая» (2017) написан в стиле магического реализма. Будничное и повседневное сочетаются здесь с фантастическим и магическим, а мифопоэтическое сознание персонажей определяет окружающую действительность. Магия, магическое, тайна, таинственное – одни из ключевых понятий романа. Исходным материалом автору служит история жизни последнего владельца князя (дзасагта) по имени Пурэв гун одного из хошунов на

территории нынешнего Баян Хонгорского аймака в центральной и юго-западной части Монголии. Сам Аюурзана является уроженцем этого аймака. Известно, что прабабушка автора служила у Пурэв гуна, а его бабушка часто слушала непревзойдённую игру дзасагта на народном музыкальном инструменте ятаге.

Главное смыслообразующее начало заключается уже в самом названии романа «Сахиуст Хангайн нууц», что дословно можно перевести как «Тайны Хангая, имеющего духа-хранителя». Таким образом, автор сразу обозначает место действия, определяющее пространственную локализацию описываемых событий – Хангайские горы. Время действия произведения не столь очевидно, но уже из первой главы его можно определить как конец XIX – начало XX вв., т.е. исход правления династии Цин (1644-1912) – канун Народной революции 1921 г.

«Это произведение, представляющее внутренний мир человека, его воспоминания. В целом, можно назвать его психологическим. Главный герой – последний ноён хошуна, но мой роман ещё и о необычной судьбе народа, особенностях этой местности, о Хангайском крае, где родились многие поколения моих предков», - сказал Г.Аюурзана в одном из своих интервью (См.:Аюурзана Г. «Сахиуст Хангайн нууц» романдаа хошуу ноёныхоо хувь тавиланг бичсэн. Газета «Одрийн сонин» 15.05.2017).

О.Н. Полянская

DOI 10.25882/62jg-bk81

**О.М. Ковалевский (1801-1878) – ученый, педагог,
организатор науки**

Работа выполнена в рамках проекта № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»

В первой половине XIX века в России формируется новая наука - университетская, которая с самого начала носила как теоретический, так и прикладной характер. Востоковедение, в этом смысле, не было исключением. По мнению академика Н.И. Конрада, “наряду с практическим востоковедением, как стали обозначать это направление в изучении Востока, развивалась и та отрасль востоковедной работы,

которая получила наименование научного востоковедения. Толчком к его развитию послужил более глубокий интерес к Востоку”.

Системное научное изучение Монголии началось во второй четверти XIX в., с открытия в 1833 г. в Казанском университете первой в Европе кафедры монгольского языка. Ее организация была вызвана расширением территории России и связей с соседними странами Азии.

Российские востоковеды всегда проявляли большой интерес к Монголии, ее истории и культуре. Одним из выдающихся представителей русской востоковедной школы, заложивший основы монголоведения в России и в Европе в целом был Осип (Юзеф) Михайлович Ковалевский. Его труды до сегодняшнего дня не утратили своей актуальности, а роль в востоковедной науке трудно переоценить. По мнению одного из исследователей научной деятельности О.М. Ковалевского Г.Ф. Шамова: “Монголоведение благодаря О.М. Ковалевскому стало одним из ведущих направлений мировой ориенталистики. О.М. Ковалевский убедительно показал, что монголоведение - это комплекс важнейших и сложных вопросов истории и культуры народов Востока...”.

Для востоковедной науки имя О.М. Ковалевского особенно дорого, прежде всего, с точки зрения его вклада в монголоведные исследования. Диапазон его исследований был широк: это и язык, литература, этнография, история, вопросы материальной культуры и быта, религия, - все это позволило ученому объективно подойти к изучению монгольских народов. Своей научной, просветительской деятельностью Осип Михайлович попытался обратить внимание царского правительства на бурят, тунгусов и другие народы далекой Сибири. Велика его роль в распространении образования среди бурятского народа и формирования научных кадров из бурят. Гуманистический подход к изучению истории и культуры монгольских народов позволил ему отстаивать взгляды о единстве существования человечества, равноправие европейцев и народов Востока. Профессор О.М. Ковалевский был одним из первопроходцев в изучении языка, истории, культуры монгольских народов. Его по праву считают основателем научного монголоведения в России.

О.М. Ковалевский (1801-1878) прошел большой и сложный жизненный путь от студента Виленского университета, который окончил в 1821 г. со степенью кандидата философских наук, до профессора Казанского университета, крупного ученого-востоковеда. В 1824 г. за

участие в тайных польско-литовских патриотических обществах Осип Ковалевский (он являлся членом “Общества филоматов” (“Друзей народа”)) был сослан в Казань и причислен к Казанскому университету для изучения восточных языков. В Казани под влиянием прогрессивной профессуры, и в первую очередь ректора университета Н.И. Лобачевского, происходило становление О.М. Ковалевского, как крупного ученого, педагога, просветителя. Ректор Н.И. Лобачевский значительное внимание уделял подготовке профессорско-преподавательских кадров посредством организации научных экспедиций в страны Востока и на восточные окраины Российской империи. Одной из первых таких экспедиций была поездка в 1828 г. О.М. Ковалевского и действительно студента А.В. Попова в Восточную Сибирь с целью изучения монгольских языков. В Забайкалье казанские востоковеды пробыли до начала 1833 г. О.М. Ковалевский сделал все возможное для глубокого изучения монгольских языков. Ему удалось дважды побывать в Монголии и посетить в 1830 г. Китай с Российской Духовной миссией. По возвращению в Казань, О.М. Ковалевский возглавил кафедру монгольского языка в Казанском университете, которая была открыта 25 июля 1833 г. Во время научной командировки О.М. Ковалевским был собран богатейший материал по истории, культуре, религии, языку монгольских народов, ставший основой его фундаментальных трудов: “Монгольско-русско-французского словаря”, в трех томах, “Краткой грамматики монгольского книжного языка”, “Монгольской хрестоматии”, “Буддийской космологии”. Так, трудами О.М. Ковалевского и его соратников создавались основы научного монголоведения в России. В связи с этим неоспорима основополагающая роль ученого-востоковеда О.М. Ковалевского в становлении монголоведения как науки и его вклада в развитие монголоведческого направления востоковедения. Им были определены ключевые направления развития монголоведения, разрабатываемые уже последующими поколениями востоковедов. Приоритетное место ученый отводил изучению языка, служившего ключом к изучению и прошлого, и настоящего народов, а также их религиозного мировоззрения, которое, по мнению Осипа Михайловича, помогало лучше понять людей. Поэтому центральными темами научных исследований его учеников, ставших в последствие известными востоковедами: Доржи Банзарова, Галсана Гомбоева, Алексея Александровича Бобровникова, Василия Павловича Васильева становились язык и религия. Факт, что

Осип Михайлович был блестящим педагогом, подтверждает назначение его в 1850 г. заведующим только что учрежденной в Казанском университете кафедры педагогики, оставив за ним и кафедру монгольского языка. На кафедре педагогики возлагались большие задачи по подготовке педагогических кадров, поэтому нужно было “приобрести такого профессора, который бы обладал основательными познаниями ... преимущественно в языках древних и новых и науках исторических, который бы сам прошел через разные ступени гимназического и университетского преподавания и сам читал разные отрасли наук и разные языки от первых начал до высших их частей”. При соблюдении всех этих требований большинство членов Совета университета высказалось за кандидатуру О.М. Ковалевского. Он подходил как никто другой.

Г. В. Румак

DOI 10.25882/gy80-xa85

Условия формирования активной гражданской позиции О.М. Ковалевского в школьные и студенческие годы

Изучая доказанский период жизни востоковеда Осипа Михайловича Ковалевского (далее Юзефа Ковалевского – авт.), необходимо представлять общественно-политическое положение белорусских земель в тот исторический период, когда в результате разделов Речи Посполитой (далее РП – авт.) в 1795 гг. территория Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ – авт.), где исторически проживали от 2 до 4 млн. этнических белорусов, какими являлась, исходя из принадлежности к униатству, семья Ковалевских, вошла в состав Российской империи.

Наиболее малоизученной страницей биографии О.М. Ковалевского является ранний период его жизни. Отец учёного Михаил Ковалевский принадлежал к шляхетскому сословию и старинному священническому роду. Дед Михаила, Иосиф, служивший в Левковской церкви, отмечен в письмах деканских визитов в церкви Бельского деканата от 13 марта 1784 года как «человек трезвый, уважаемый, в приходских обязанностях тщательный», нет сомнений, что он привил своим детям и внукам высокие моральные качества. В семье образо-

ванного священника Михаила Ковалевского дети получили начальное образование и хорошее воспитание, основанное на гуманистических принципах толерантности и веротерпимости.

В 1809 г. Юзеф Ковалевский поступает в Гродненскую губернскую гимназию, расположенной в местечке Свислочь, где передовой коллектив преподавателей формировал не только знания своих учащихся, но и самостоятельность мышления, независимость взглядов и убеждений. Неслучайно в одно время с Ковалевским здесь преподавало и обучалось немало вольнодумцев, борцов за социальную и национальную справедливость. Там же впервые будущий монголовед стал членом гимназического «Общества любителей науки и отечественной словесности».

Окончив гимназию, Ковалевский в 1817 г. поступил в Виленский университет на факультет литературы и свободных искусств. Учился за казённый счёт, давал частные уроки, одновременно поступил в учительский институт, сдал на отлично вступительные экзамены.

Виленский университет в это время являлся сосредоточением всей интеллектуальной элиты белорусских и западноукраинских земель. Приглашённые из европейских университетов преподаватели привнесли не только передовые знания, но и дух свободомыслия. На факультете литературы и изобразительного искусства первостепенную роль занимала классическая филология во главе с известным профессором Г. Э. Гроддеком. Студент Юзеф Ковалевский увлёкся классической филологией и античной литературой, стал проявлять интерес к восточным языкам

Университет не мог находиться в стороне от общественно-политической жизни края, где под воздействием множества легализованных масонских обществ зрело национально-освободительное движение. Осенью в университете возникает тайное студенческое общество филоматов, целью которого была взаимопомощь в углублении образования, в творческом совершенствовании, общественная работа на благо заключенной Родины. Ю. Ковалевский по рекомендации А. Мицкевича становится девятым членом Общества. Стремясь расширить влияние на молодёжь, филоматы организуют дочерние общества: Союз друзей и «Общество лучистых», впоследствии преобразованное в общество филаретов, где Ковалевский занимает одну из руководящих должностей.

Воспитанные на лучших традициях европейского просвещения, филоматы совершенствуются в науках и поэзии, собирают сведения

о родном крае, вместе проводят организованный досуг. Мечтая о просвещении народа, открывают школы, берутся за создание программ и учебников для народного образования, отраслевых энциклопедий. Именно в среде филоматов вызревает польский романтизм и молодая белорусская литература, представленные А.Мицкевичем и Я. Чечётом.

После разгрома обществ 20 филоматов и филаретов приговариваются к высылке в отдалённые губернии России, трое из которых, в том числе и Ковалевский, пожелали изучать восточные языки.

Разбросанные по всему миру филоматы, переписываясь между собой, всегда ощущали себя членами единой филоматской семьи, оставаясь верными юношеским идеалам добра и справедливости, до конца своей жизни поддерживали друг друга добрым словом и неистребимым филаретским юмором. С течением времени Осип Михайлович Ковалевский, получивший признание и славу, облаканный российскими властями, награждённый многочисленными премиями и орденами, поменял свои юношеские политические убеждения, однако до конца своих дней пользовался неизменным уважением друзей своей молодости, которые, в свою очередь, никогда не считали его предателем.

Таким образом, вследствие особенностей национально-этнического и религиозного состава населения О.М.Ковалевский с ранних лет воспитывался на принципах христианского милосердия, гуманизма, толерантности и веротерпимости. На формирование гражданской активности будущего монголоведа оказала влияние сама атмосфера эпохи Просвещения, продолжавшаяся на белорусских землях в первой трети XIX в. и совпавшая с зарождением эпохи Романтизма. Детские и юношеские годы будущего учёного пришлись на время общественного и политического поворота истории, что повлекло за собой рост самосознания и волну национально-освободительного движения, вызвавшего приход уникальных личностей, в среде которых формировались характер и мировоззрение будущего ориенталиста. Самим ходом истории одарённый от природы, по-европейски образованный, романтически настроенный юноша был подготовлен к своей будущей миссии.

DOI 10.25882/ttxg-cm70

**Рассадин В.И. (12.11.1939-15.08.2017)
и действующая калмыцкая орфография**

Тема настоящего доклада продиктована нашим искренним желанием воздать дань памяти замечательному исследователю монгольских и тюркских языков, доктору филологических наук, профессору Валентину Ивановичу Рассадину, кончина которого летом 2017 г. явилась невосполнимой утратой для российского научного сообщества.

Как считает В.И. Рассадин, в настоящее время в Калмыкии сложилась не вполне нормальная ситуация относительно калмыцкого языка, когда на территории республики фактически функционируют два различающихся языка – устный разговорный язык народа и искусственно созданный письменный язык, который отличается от живого разговорного языка своими не вполне адекватными орфографическими нормами. Так, например, словоформы *көвэд* «вспухнув» и *көвэд* «у кромки воды» на письме невозможно различить, хотя в живом произношении форма *көвэд* является разделительным деепричастием на *-ад/-эд* от глагола *көв* = «вспухать», а форма *көвэд* «у кромки воды» является дательно-местным падежом на *-д* от основы *көвэ* «кромка воды». В живом произношении эти формы четко различаются: *көвээд* «вспухнув» и *көвээд* «у кромки воды». Незнающие или плохо знающие, но желающие знать люди, видя такого рода словоформы не имеют возможности их различить. Совершенно ненормальным является положение, когда в многосложных словоформах пишется более десятка согласных букв и только одна гласная в первом слоге, например, *көдлмичнрт* «работникам» и т.п. Как утверждает В.И. Рассадин, такое положение происходит от того, что по действующей орфографии не принято обозначать краткие гласные второго, третьего и последующих слогов, названные редуцируемыми или неясными гласными, что более верно для живого произношения, где все эти неясные гласные, реально существующие слоги четко произносятся, например, *көгелжирһен* «голубь». Далее он пишет, что особенно трудны случаи, когда дело касается присоединения аффиксов при словообразовании, формообразовании и словоизменении.

Дело не спасает деление основ на консонантные и вокалические при выборе вариантов аффиксов, например, родительного падежа, поскольку в реальности существует не две основы с консонантным и вокалическим окончанием, как пытаются утверждать некоторые калмыковеды, а согласно калмыцкому фактическому материалу и опять же по глубокому убеждению В.И. Рассадина существует пять различных окончаний-основ – основы, оканчивающиеся на согласный *-н*, на любые другие согласные, на неясный гласный, на долгий гласный односложного слова и долгий гласный многосложного слова, что предопределяет употребление пяти различных видов аффиксов родительного падежа. Наличие неясного гласного помогает различать звонкий и глухой варианты согласных аффиксов настоящего времени *-жана/-чана* у глаголов, имеющих одинаковое написание, хотя в реальном произношении они различаются наличием неясного гласного, например, *гар* = «выходить» и *ор* = «заходить» пишутся одинаково с конечным *р*-основы, но настоящее время образуется по-разному – *гарчана* «выходит», *оржана* «входит». Профессор Рассадин задается вопросом, как человеку, не знающему разговорного языка, различить подобные словоформы? И тут же отвечает на вопрос. Дело же очень простое: глагол *гар* «выходить» оканчивается на согласный *-р*, который считается глухим в калмыцком языке, и поэтому здесь требуется вариант *-чана*, глагол же «входит» имеет после *-р* неясный гласный и звучит *ор* (средний между *о* и *ы*), поэтому используется вариант *-жана*, неясный же гласный второго слога в образовавшейся многосложной основе по правилам калмыцкой фонологии редуцируется, поэтому словоформа звучит *оржана*, обозначение неясных гласных во всех случаях их употребления было бы решением проблем калмыцкой орфографии.

Другой проблемой согласно Рассадину является обозначение долгих гласных второго и последующих слогов двумя гласными буквами по правилам сингармонизма. Долгота гласного берет на себя словесное ударение, так, например, слово *яман* «коза» имеет ударение на втором слоге, поскольку здесь реально существует долгий гласный *aa*, который при словоизменении, например, в родительном падеже *ямаанаа* «козий» восстанавливается до полной долготы, в именительном же падеже эта долгота сокращается, хотя ударение не исчезает – все зависит от темпа речи.

Третья проблема связана с обозначением смычного и щелевого согласного увулярного *г* твердоядных слов посредством латинской

буквы *h*, поскольку эта буква произносится в оригинале как легкое придыхание.

Рассадин находит выход из создавшегося положения. В целях сближения письменного и живого разговорного калмыцкого языка необходимо восстановить написание неясных гласных в словах, где они произносятся. Это позволило бы упорядочить употребление аффиксов при словообразовании, формообразовании и словоизменении. Неясных гласных в калмыцком языке всего три разновидности: это *и*-образный, *э*-образный и *а*-образный звуки, которые можно обозначить как *й*, *э*, *о*, *э*. Следует также обозначить долгие гласные удвоением соответствующей буквы, а также заменить *h* в твердорядных словах на букву *э* перечеркнутое, как это принято в алфавитах народов бывшего СССР. Не надо бояться диакритики, поскольку она принята во всем мире.

В. Л. Успенский

DOI 10.25882/kn8p-wy35

О некоторых источниках «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского

Источниками знаменитого монгольско-русско-французского словаря О.М. Ковалевского были не только оригинальные сочинения на монгольском языке, но и составленные ранее словари. По его собственным словам, он «руководствовался, по мере надобности, изданными уже словарями и несколькими остающимися еще в рукописи. К последним относятся монгольско-русские словари иркутских переводчиков Александра Игумнова (неоконченный) и Василья Новоселова, начальника пекинской духовной миссии Петра Каменского...» (с. III-IV). Кроме того, О.М. Ковалевский упоминает среди источников «Сборник санскритских, тибетских и монгольских слов, перепечатанный стараниями Барона П.Л. Шиллинга фон Канштадт» (с. XII).

Ко времени составления словаря О.М. Ковалевским существовал только небольшой монгольско-немецкий словарь Я. Шмидта (СПб., 1835), который он также использовал.

Что касается других неопубликованных словарей, то о них имеются следующие сведения.

1. В Восточном отделе библиотеки СПбГУ имеется трехтомный монгольско-монгольский толковый словарь с русскими эквивалентами (старый шифр Хул. F 72). Он основан на маньчжурско-монгольском словаре, экземпляр которого О.М. Ковалевский привез из Пекина (№ 14 в его списке). Предположительно, этот словарь является словарем А.В. Игумнова.

2. Архимандрит Петр (П.И. Каменский) сделал следующее замечание о своем словаре: «Краткие разговоры на мунгальском и маньчжурском языках с моим на скорую руку переводом. – 2 книги. Пожертвованы в Иркутскую семинарию». Местонахождение этого словаря неизвестно (См.: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М: Наука, 1977. С. 405).

3. Также в материалах архимандрита Петра есть следующее упоминание: «Лексикон Сань-хэ-бень-лань, по монгольскому алфавиту переводчиком Новоселовым подобранный и арх. Петру Сибирским ген.-губ. М. Сперанским в 1820 г. для подведения китайского и маньчжурского переводов и для перевода его на российский предпущенный, в 2-х томах». Местонахождение этого словаря также неизвестно (Там же. С. 406).

4. Санскритско-тибетско-монгольский терминологический словарь, ксилографические доски которого были вырезаны бурятскими ламами по инициативе барона П.Л. Шиллинга фон Канштадта, был издан в Петербурге только в 1859 г., т.е. после издания словаря О.М. Ковалевского (*Buddhistische Triglotte d.h. Sanskrit-Tibetisch-Mongolisches Wörterverzeichnis gedruckt mit den aus dem Nachlass des Barons Schilling von Canstadt stammenden Holztafeln und mit einem kurzen Vorwort versehen von A. Schiefner. St. Petersburg, 1859*). В 1831 г. В Кяхте О.М. Ковалевский имел возможность использовать этот словарь, о чем он неоднократно упоминает в своем дневнике. По-видимому, для него были сделаны специальные оттиски словаря. Ксилографические доски этого словаря хранятся в настоящее время в Институте восточных рукописей РАН.

Международный научный центр «Культурное наследие монгольских народов» в интеграционном процессе Калмыцкого государственного университета

Калмыцкий государственный университет был создан в 1970 году на базе Калмыцкого педагогического института, созданного в 1939 в КАССР (в августе 1942 года был эвакуирован в Астрахань) и восстановленного в 1964 году после возвращения калмыков из ссылки (1943-1956) усилиями руководителя республики, героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Б.Б. Городовикова. Помощь в становлении института, в преобразовании его в Калмыцкий государственный университет, содействие в подготовке высококвалифицированных кадров, налаживании научного сотрудничества оказали вузы и академические институты Москвы, Ленинграда, Казани, Ростова, Саратова, Ставрополя, Волгограда и других городов СССР, известные ученые, видные общественные деятели (Юрий Жданов, Андрей Попов, Гарма Санжеев, Борис Пашков, Тимофей Бертагаев и др.).

Процесс объединения усилий, начатый тогда и продолженный несколькими поколениями российских ученых, заложил хорошую базу в КалмГУ для развития университетского востоковедения, для создания современных интеграционных схем в сфере высшего образования и академической науки, для реализации совместных образовательных программ и научных проектов, создания специальных структур в виде научно-образовательных, научных центров. К числу последних относится международный научный центр «Культурное наследие монгольских народов», открытый в ноябре 2015 года в рамках международного научного форума «Университеты Евразии» и многостороннего «Соглашения о сотрудничестве в области развития Евразийского научно-образовательного пространства», подписанного представителями Китая, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Индии, Чехии, вузов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Ставрополя, Волгограда, Астрахани, Ханты-Мансийска, Адыгеи, Дагестана, Татарстана, Бурятии, Чувашии и других регионов Российской Федерации. Одна из основных задач Центра – развитие в вузе научного востоковедения через реализацию научных проектов и создание науч-

ных коллективов с участием ученых из российских и зарубежных востоковедных центров.

Деятельность МНЦ «Культурное наследие монгольских народов» направлена на консолидацию усилий вузов и научных организаций в осуществлении научных и образовательных проектов, ориентированных на комплексное изучение культурного наследия народов Евразии по следующим направлениям: фольклор монгольских народов во взаимодействии с другими традициями (руководитель Хабунова Е.Э., доктор филологических наук, профессор), сравнительно-типологические исследования языков в области монголистики и алтаистики (руководитель Мушаев В.Н., доктор филологических наук, профессор), исследования письменных памятников (руководитель Гедеева Д.Б., кандидат филологических наук, доцент), национальная литература и современный литературный процесс (руководитель Цеденова С.Н., кандидат филологических наук, доцент), традиционная культура и религиозные верования азиатских регионов (руководитель Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор).

Исследования по всем этим направлениям проводятся по грантам РГНФ - РФФИ и финансовой поддержке КалмГУ. К примеру, получение грантов позволило реализовать ряд важных проектов в области изучения фольклора монгольских народов во взаимодействии с другими традициями: 1. «Фонд этнопоэтических констант фольклора монгольских народов» (грант РГНФ, международный проект № 14-24-03004); 2. «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» (грант РФФИ и МОКНМ_а, международный проект № 18-512-94006»); 3. «Сказки народов Евразии» (грант КалмГУ, с участием российских и зарубежных ученых); 4. «Устное наследие калмыков и ойратов Зарубежья. Сбор, систематизация и расшифровка избранных образцов фольклора» (грант КалмГУ), подготовить ряд совместных научных статей и изданий, провести серию научных конференций и т.д.

В одном из проектов, посвященного подготовке двуязычного издания «Сказки народов Евразии», содержащего тексты сказок аварцев, адыгов-черкесов, башкир, бурят, казахов, калмыков, монголов, синьцзянских ойратов, тувинцев, узбеков, чеченцев, хакасов, якутов) с сюжетным типом «сын медведя» – одним из древнейших сюжетов, основанном на мифологических представлениях о происхождении человека и его тесных связях с живой природой, приняли участие фольклористы из различных институтов и вузов России, Ближнего

и Дальнего Зарубежья (Институт языка и литературы АНМ (Монголия); Институт национальных литератур АОН (Китай); Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан); Казахский национальный университет им. Аль Фараби (Казахстан); Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова (Казахстан); Исык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова (Киргизия); Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Республика Бурятия); Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Республика Адыгея); Чеченский государственный педагогический университет (Чеченская Республика); Адыгейский государственный университет (Республика Адыгея); Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цаадасы ДНЦ РАН (Республика Дагестан); Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Башкортостан); Тувинский институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва (Республика Тыва); Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Республика Хакасия); Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Республика Саха-Якутия).

Материалы двуязычного издания «Сказки народов Евразии. Сын медведя» (2017) уже введены в научный оборот. Международный коллектив продолжает свою работу, в 2018 году планируется издание сказок с сюжетным типом «мачеха и падчерица».

Через научные проекты МНЦ «Культурное наследие монгольских народов» по другим направлениям исследований в интеграционный процесс КалмГУ вовлечены и другие научные и образовательные учреждения: Уланбаторский государственный университет; Ховдский государственный университет; Монгольский государственный университет образования; Институт философии Академии наук Монголии (Монголия); Монгольский государственный университет культуры и искусств (Монголия); Университет Внутренней Монголии (Китай); Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа АНА (Абхазия); Институт восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург); Институт Языкознания РАН; Институт лингвистических исследований РАН; Институт философии РАН (Москва); Российский государственный гуманитарный университет (Москва); Институт мировой литературы РАН (Москва); Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону); Калмыцкий научный центр РАН (Республика Калмыкия).

Сотрудничество организаций-партнеров в области развития университетского востоковедения осуществляется в следующих формах: разработка и реализация интеграционных и научных проектов; формирование совместных заявок на получение грантов; проведение совместных полевых исследований; организация научных стажировок магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников; проведение научных мероприятий на площадках сторон-партнеров; издание коллективных монографий и сборников научных трудов; чтение лекций и проведение мастер-классов; разработка совместных магистерских программ и т.д.

Традиции отечественного монголоведения, зародившиеся в Казанском университете, где в 1833 году была открыта первая в России и в Европе кафедра монгольской словесности, которую возглавил профессор О. Ковалевский, автор основополагающих трудов в области монголоведения, буддологии и тибетологии (Краткая грамматика монгольского книжного языка: 1835; Монгольская хрестоматия. Т.1-2: 1835, 1837; Буддийская космология: 1837; Монгольско-русско-французский словарь.Т.1-3: 1844,1845, 1849); рукописная История монголов и др.), где была создана первая «Грамматика калмыцкого языка» А. Попова (1847), где А. Бобровниковым был осуществлен первый перевод эпической главы калмыцкого героического эпоса «Джангар» на русский язык, успешно продолжают свое развитие в XXI в. Этому способствуют и интеграционные процессы, обеспечивающие тесное взаимодействие университетских и академических структур, содействующие появлению новых форм организации научных исследований и мероприятий в области востоковедения, объединению усилий российских и зарубежных ученых-востоковедов.

Л. Ц. Халхарова

DOI 10.25882/k94y-kk24

**Казанский период жизни Доржи Банзарова в романе
Ч.Цыдендамбаева «Вдали от родных степей»**

Доржи Банзаров – первый бурятский ученый, живший в первой половине XIX в. Первый бурятский ученый воплотил в себе творческую одаренность народа, его стремление к добру и красоте, к справедливости, его мужество, трудолюбие и любознательность. Упор-

ный труд и природная одаренность помогли Доржи Банзарову пройти путь к вершинам современной ему науки.

На основании диссертационной работы Д. Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов», известный востоковед П. Савельев, автор посмертного очерка «О жизни и трудах Доржи Банзарова», вышедшего в 1856 году отдельной книгой, писал: «Как исследователь среднеазиатской древности, он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят, показал, что дарование и просвещение могут быть уделом и этого поколения, которое с гордостью может приводить его имя как представителя своего в области науки...» (1, с.75). Ориенталист В. Григорьев утверждал, что «Банзаров мог с честью носить докторский колпак в любом европейском университете» (2, с.3). Н.А. Некрасов в рецензии на названную книгу П.Савельева, опубликованной в журнале «Современник», назвал Банзарова «весьма замечательной личностью» (2, с.5). Журнал «Отечественные записки» писал в некрологе по случаю гибели Банзарова, что в его лице «современная наука лишилась одного из своих полезнейших возделывателей, одного из остроумных исследователей». Высокую оценку научным трудам Доржи Банзарова дали и другие журналы и газеты того времени: «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Московские ведомости».

Многие писатели обращались к личности Д. Банзарова в своих произведениях. В 1895 г. в столичном журнале «Детский сборник» появился рассказ А.В. Потаниной, жены и друга Г.Н. Потанина, «Доржи, бурятский мальчик». В журнале «Новая Сибирь» за 1935 г. №1 была напечатана пьеса П.Г. Маляревского «Доржи Банзаров».

Образ Доржи Банзарова стал предметом творческого вдохновения многих бурятских писателей. Еще в начале XX века в 1912 году бурятский ученый и писатель Б. Барадин написал стихотворение о Доржи Банзарове. Талантливый бурятский писатель Ч. Цыдендамбаев посвятил первому бурятскому ученому роман-дилогию «Доржи, сын Банзара» (1953-1958), Н. Дамдинов написал пьесу «Доржи Банзаров» (1969), поэму «Песня о Доржи Банзарове» (1970).

Судьба первого бурятского ученого Доржи Банзарова сложилась трагично. Доржи Банзаров, получив блестящее европейское образование в стенах Казанского университета, защитив диссертацию на тему «Черная вера, или шаманство у монголов», к сожалению, не смог реализовать ни свои знания, ни научный потенциал. Смерть та-

лантливому бурятскому ученому в возрасте 33 лет во многом загадочна.

Роман-диалогия «Доржи, сын Банзара» Ч. Цыдендамбаева создавался в пору активного становления жанра романа в бурятской литературе. В первом романе «Доржи, сын Банзара» Ч. Цыдендамбаев запечатлел детство, отрочество Доржи Банзарова, во втором – «Вдали от родных степей» его путь к зрелости. Взрослея, герой не теряет прошлого, сохраняя память о детстве, о родине и о родных людях, ибо там истоки его сегодняшнего. Бурятская действительность врывается в мир размышлений и чувств Доржи то письмами брата или Марии Николаевны Орловой, то встречами с мудрым наставником и утешителем своим дядей Хэшэгтэ и спорами с Галсаном Жамбаловым, то в виде ярких воспоминаний героя о своем детстве.

Название романа – «Вдали от родных степей» некоторым образом символ, в котором можно увидеть ответ на многие вопросы, связанные с трагической судьбой Д. Банзарова. В нем выражено состояние временности, прощание с прошлым, перемещение в пространстве, ожидание будущего, испытания на чужбине.

Действие романа «Вдали от родных степей» переносится из бурятских степей в большой многонациональный город Казань, на широкое российское пространство от Казани до Санкт-Петербурга. Судьба великого ученого Доржи Банзарова, развитие его личности прослеживаются на фоне истории России, ее культуры с момента поступления юного Д. Банзарова вместе с другими бурятскими детьми в Казанскую гимназию и до окончания Казанского императорского университета и блестящей защиты им кандидатской диссертации.

Писатель выводит образ Доржи, который уже десять лет живет в Казани. За его плечами гимназия, один из лучших в стране университетов (Доржи уже заканчивает учебу), общение с крупными учеными (Ковалевский, Лобачевский), которые приняли близкое участие в судьбе бурята из далекого Забайкалья. Ч. Цыдендамбаев отказался от хроникального изложения событий жизни героя, не стал последовательно изображать все десять лет, проведенные Банзаровым в Казани, а сосредоточил действие романа на коротком отрезке времени, приуроченном к периоду окончания Банзаровым университета. Время действия романа охватывает около полугода (от зимы до лета 1846 г.), и это позволяет автору дать концентрированное, максималь-

но сжатое и насыщенное изображение богатого духовного мира своего героя.

Критики обвиняли писателя в недостаточном освещении научной деятельности Банзарова в Казани, в том, что писатель уклонился от поставленной задачи проследить путь ученого-востоковеда. На наш взгляд, Ч. Цыдендамбаев не ставил своей целью проследивать путь ученого в науку. Прежде всего Ч. Цыдендамбаев изображает Банзарова как человека и как личность, живущего делами и заботами обычной жизни. Писатель вводит в роман романтическую историю любви Доржи и Тани Кондратьевой, но отношения Доржи и Тани осложняются социальными предрассудками и приобретают трагический характер.

Образ Доржи выписан автором тщательно, в мельчайших деталях воспроизводится мир его внутренних переживаний, размышлений, поисков. Автор включает в структуру романа путешествие Доржи с помещиком Угрюмовым по именьям губернских дворян-помещиков, картины барского произвола, возмущающие героя. Есть в романе факты, показывающие настроение студенчества, сцена защиты Банзаровым своей диссертации. Все это помогает раскрытию нелегкой судьбы и жизни главного героя, его мыслей, чувств, поступков.

В канун защиты диссертации Доржи Банзаров предстает перед читателем как европейски образованный человек, владеющий семью языками и прочитавший сотни книг, обогативших его ум и душу знанием жизни и истории разных народов. Это человек, проживший совсем не легкую жизнь и имеющий немалый жизненный опыт.

Автор показывает закономерность успехов Д. Банзарова, который был истинным сыном своего народа. Обращение к событиям прошлого, к личности первого буряты-ученого Доржи Банзарова дало Ч. Цыдендамбаеву возможность выявить не только истоки его формирования и эволюции, духовного роста, но и показать «мини-энциклопедию» российской действительности начала XIX в.

DOI 10.25882/nwz1-nd50

Изучение русского языка в Цинском Китае (к 310-летию юбилею)

Изучение русского языка в Китае берет свое начало в эпоху правления Династии Цин. После того как в Китае в 1708 году была учреждена первая школа русского языка при Дворцовой канцелярии, прошло уже 310 лет. В Цинской династии обучение русскому языку в Китае было концентрировано главным образом в трех крупных учебных заведениях в Пекине: Школа русского языка при Дворцовой канцелярии (1708-1862), Пекинская школа Тунвэнь (1863-1902), Столичные учительские палаты (1898-1911, с 1912 г. – Пекинский университет). Наряду с ними во многих городах Китая последовательно появились школы русского языка или иностранных языков, которые не только готовили для Цинского Китая большое количество переводчиков и дипломатов, но и заложили основу современного обучения русскому языку в Китае.

По местам нахождения учебных заведений русского языка увидим, что они находились или в приграничных городах (Урумчи, Хойчунь), или в городах, служащих торговыми портами (Гуанчжоу, Учань, Тяньцзинь, Шанхай), или являлись центром дипломатии (Пекин). Специфика их расположения свидетельствует о том, что преподавание русского языка в Китае было предназначено для удовлетворения спроса центра и районов на специальных переводчиков.

Кроме учёбы в школах в стране, одним из важнейших методов изучения русского языка стала учёба за границей. Сначала ученики ездили за границу вместе с дипломатическими делегациями. В 1896 г. Цинское правительство начало отправлять учеников в посольства Китая за рубежом, в том числе и в России. В 1902 г. император Гуансуй отдал приказ местным провинциям назначить «умных и добропорядочных учеников» в зарубежные страны учиться. Ученики обучались за границей за счёт государства или на свой счёт. Отличники из них имели одинаковые права на дальнейшее назначение на должность.

Предметы, преподаваемые в учебных заведениях русского языка, делились на три главных вида: филологический, историческо-

страноведческий и естественно-научный. Последние два вида предметов начали появляться в обучении в Школе Тунвэнь и полностью отражают то, что в 19 веке цель обучения русскому языку в Китае изменилась - готовить не просто переводчиков с русского языка, но и специалистов, владеющих гуманитарными и научными знаниями. В обучении языку большое внимание уделено практике речи и переводу книг. Родной язык – китайский язык считался важной основой для овладения иностранным языком.

Столичные учительские палаты являлись современным университетом, учрежденным Цинским правительством, система обучения в котором более сходна с современной системой вузовского образования. В университете было 8 институтов и 46 специальностей. Дисциплины институтов разделялись на обязательные, общественные и факультативные. По разным специальностям иностранные языки, в том числе и русский язык, велись в виде обязательного, общественного или факультативного предмета.

Учители и преподаватели русского языка состояли из китайцев и русских. В Школе русского языка при Дворцовой канцелярии работали сначала русские купцы, которые были неспособны систематически обучать. В связи с этим были приглашены русские духовные миссионеры работать учителями в школе, среди них были известные востоковеды И. Россохин, А. Леонтьев, П. Кафаров и другие. Выпускники школы русского языка работали переводчиками в разных областях в стране, многие из них стали учителями школ иностранных языков.

Дефицит учебных пособий являлся одним из лимитирующих факторов в обучении русскому языку. Первым учебником русского языка для китайских учеников стал «Олосы фаньи цзяю цюаньшу俄罗斯翻译捷要全书», переведенный Россохиным, Леонтьевым и маньчжурами Фулахэ и Ма Ча из «Грамматики русского языка» М. Смотрицкого. В 1888 году Школой Тунвэнь был издан «Китайско-русский словарь汉俄合璧韵编», который служил одним из главных учебников русского языка. В 1899 г. в Шанхае литографическим способом был издан «中俄话本. Russian and Chinese Conversation», который был составлен купцом Го Мань-фу (по транскрипции) и многократно переиздан в Китае. Считали, что его можно было бы использовать в качестве учебного пособия. Только в начале 20 века ситуация вокруг учебных пособий начала изменяться.

Монгольские сонники: проблема происхождения

К числу манускриптов, связанных с повседневной жизнью монгольского кочевника и его верой в чудесное, относятся многочисленные сонники. В г. Улан-Баторе, в коллекции квартиры-музея академика Ц. Дамдинсурэна (в число интересов которого входила и бытовая магия) имеются четыре сонника — МН 263, МН 1027, МН 1037, МН 1090. Трудно сказать о периоде создания, или, может быть, постепенного формирования этих сочинений, а тем более об их авторстве — они сами не содержат сообщений на этот счет, а списки, дошедшие до нас, относятся главным образом к XIX или началу XX в.

Две рукописи явно восходят к одному источнику, это МН 1027 и МН 1037. Тексты фрагментарно совпадают лексически, последовательность их изложения и содержание явно схожи. Текст МН 263 отстоит от первых двух, однако логика его близка им. Если МН 1027 и МН 1037 описывают приметы сначала хороших, а потом дурных снов, МН 263 повествует об этом более или менее смешанно, хотя такое деление в несколько размытом виде наблюдается тоже. Четвертый текст из собрания Ц. Дамдинсурэна — МН 1090 стоит особняком. Он посвящен отвращению дурных снов, его чтение должно было устранить и подавить злые силы, о действии которых говорит та или иная примета. Его вариант на ясном письме также хранится в ИВР РАН (В 234). Таким образом, данные сонники распадаются на два варианта.

Многие комплексы верований у монголов состояли, как правило, из нескольких слоев: «добуддийского» и «докитайского», который условно можно было бы назвать «монгольским», и — соответственно — «буддийского» и «китайского». Сколько в «буддийском» слое «индийского», а сколько — «тибетского», сколько в «монгольском» — «монгольского», «тюркского» или какого-нибудь еще — вычислить бывает нелегко.

К индийскому слою в данных сочинениях с определенностью можно причислить зачин, характерный для буддийских сочинений, — поклонение буддийскому божеству Манджушри (МН 263, 1а;

МН 1027, 1а; МН 1037, 1а) или Будде, его учению и буддийской общине (МН 1090, 1а), причем, прибавление к начальной формуле поклонения Учителю явно относится к традиции желтошапочной секты, а, следовательно, — к тибетскому слою (МН 1090, 1а). Также здесь следует назвать упоминание других буддийских божеств — Ваджрапани (МН 1027, 2б; МН 1037, 5а), персонажей индийской мифологии — Раху (МН 263, 1а), виды буддийских высших существ — будд (МН 1027, 2а–б; МН 1037, 5а), бодхисаттв (МН 1027, 2а–б; МН 1037, 3б, 5а), татхагат (МН 1037, 3б–4а;), махасаттв (МН 1037, 3б;), идамов (МН 263, 3а), архат и практьекабудд (МН 1037, 4б), шраванов (МН 1037, 4б). Использование в текстах дхарани (МН 1027, 4б; МН 1090, 5б–ба), по-видимому, также указывает на буддийский слой.

Менее явны, но более любопытны для данного пласта указания на реалии социальной организации, отраженные в текстах. Например, в тексте МН 263 многократно упоминается деление на царей, аристократов, простолюдинов, к ним прибавляются и рабы (3а), что очень похоже на кастовое деление в Индии. Можно предположить, что детали хозяйственного быта и обычаев — ловля и варение рыбы (МН 263, 4б), собирание ягод, цветов и зерна (МН 1027, 1а), собирание плодов на деревьях (МН 1027, 2а), сеяние и собирания урожая зерна (МН 263, 2а; МН 1027, 2б), опускание покойников на воду (МН 1027 4а), поедание трупов (МН 263, 3а) — из того же ряда, т.е. уходят корнями в индийскую или тибетскую культуры.

МН 1037 по сравнению с МН 263 и МН 1027 в большей степени подвергся буддийской обработке. Это видно по массивному упоминанию буддийских божеств и реалий. При этом в нем меньше указаний на социальные различия. Также показательны в этом плане стилистические и грамматические сдвиги в тексте, которые могут указывать на его переводной характер. Это позволяет предполагать, что МН 1037 несет в себе больше тибетских черт.

Выделение собственно монгольского слоя затруднено. Конечно, упоминания верблюдов (МН 263 3б), вольной скачки на хорошем коне (МН 263 4а), скелета, лежащего в степи (МН 1027 3а), могут указывать на него, но не очевидно. Можно лишь предположить, что на монгольской почве были сделаны некоторые прибавления. В Q 672 намного обширнее фрагменты об овцах, коровах и верблюдах, что, конечно, позволяет предположить о влиянии кочевого быта монголов.

«Китайский» пласт в сонниках из исследуемых коллекций проявлен тоже не ясно, если не сказать, что не виден вообще. Это довольно примечательный факт, так как большинство гадательных практик монголов в той или иной степени несут на себе влияние китайской культуры, где таковые были развиты широчайшим образом [C.R. Bawden. On the practice of scapulimancy among the Mongols // Central Asiatic Journal, Vol. 4, No 1, P. 1–44].

Таким образом, можно сделать осторожное заключение, что сонники, имеющиеся в коллекции акад. Ц.Дамдинсурэна, восходят к индийской традиции, переработанной на тибетской почве.

Л. Цэрэнчимэд

DOI 10.25882/ehxf-y109

Смысловые особенности парных параллелизмов в некоторых фразеологизмах бурятского диалекта

Основные единицы языка делятся на текст, предложение, слово и морфемы. В современном языкознании основные и вспомогательные единицы делятся по структуре, смысловому единению на свободные и не свободные. Такие учёные, как Чой. Лувсанжав, Г. Аким, Д. Бадамдорж, Ж. Төмөрцэрэн, М. Базаррагчаа, Б. Пүрэв-Очир, Ж. Баянсан, Ч. Догсүрэн, Д. Баттогтох, и Ж. Бат-Ирээдүй внесли свой вклад в изучение фразеологии и парных слов монгольского языка. Их мнения имеют некоторые разногласия по вопросам структуры, смысловому типу, каждый исследователь изучает со своей точки зрения: смысл, структура, грамматика, мышление, обычай, общество и культура.

Образование парных параллелизмов в монгольском языке и диалектах изучено учёными с разных сторон: с точки зрения языка и речи, и культурного мышления. В монгольском языкознании парные слова больше изучены со стороны формы и структуры и ныне возникают необходимость рассмотреть этот вопрос в таких аспектах как: речь-познание, повествователь-употребитель, смысл-культура и оптимальное применение. В данной статье мы обратили внимание на вопрос, что парные параллелизмы бурятского диалекта как входят в состав фразеологизмов, и как выражает особенности в смысловом,

культурном и мыслительном аспектах. Нами использованы главные определения насчёт структуры и смысла парных слов крупных исследователей монгольского языка.

Таким образом: В каждом языке идёт процесс обогащения благодаря методу соединении слов в парные единицы. Особенно в современном монгольском языке это явление широко встречается. По методу соединения слов образуются новые названия: названия природных явления, названия, связанные с родами и видами животного и растительного мира, и даже с нравами человека. Они бывают разные по составу и по смыслу. Парные слова современного монгольского языка изучены в трудах монгольских и зарубежных учёных.

Профессор Ж.Баянсан в своём докладе «Некоторые вопросы новой парадигмы парных слов в монгольском языке» пишет: что образование парных слов основывается на психике и психической деятельности и является результатом психической деятельности. При их образовании тоже участвует умственная деятельность: сравнить, ассоциировать. Иногда действуют вместе оба метода. И при этом учитывается: ритм речевой деятельности, сознание, знание и навыки жизни. И он считал, что парные слова можно делить на языковые и на речевые, учитывая динамичные и статичные свойства речевых явления и богатый арсенал примеов. После этого он приводит пример из «Словаря парных слов Монгольского языка» \Уранбилэг Э. Уб., 2013\:

<p>Ана мана, ач тач, үүх түүх... Продолжительное и энергичное движение речевых органов и рифма звуков. Проявление бессознательной психической и физической деятельности человека...</p>	<p>Дээр доор, халуун хүйтэн, сав суулга, үзэх харах, мэнд ус, нэр ус, нутаг ус... Сравнение и ассоциация. По смыслу одинаковые слова составляют парные слова.</p>
<p>Өнчин өрөөсөн, гэм зэм, нутаг нуга, харамч хатуу... Здесь можно наблюдать методы: сопоставить, соединить по похожести. Синтетическое сравнение...</p>	<p>Метод экономии мышления и интеллекта. Соединение по роду и виду. Соединение по составу. Соединение по месту. Разграничение места.</p>

Мы в данной статье мы рассматривая, особенности смысла и использовании нескольких парных слов, входящих в состав

фразеологизмов, употребляющих активно в разговорной речи, опираемся на мнения Ж.Баянсан.

Парные слова монгольского языка являются главным доказательством принципа экономии языка. В этом направлении: либо экономит срок речевой деятельности и энергии, либо сокращает длительность новых сообщений и объединяет их в парные единицы. И этим достигает широту смысла. И поэтому имеется один метод экономии мышления, психики и физической энергии. Мы считаем этот вопрос главным. В парных параллелизмах, входящих в состав фразеологизма можно наблюдать, что они выражает их содержание и идейный смысл. Поэтому имеет большое значение. Глубина смысла вдвойне абстрагированных единиц всякого выражения языка, особенно фразеологии – находится в сознании и в мышлении. В связи с этим хотя можно узнать простой смысл языкового знака, то подсознательный смысл может остаться не ясным. Но если участники общения находятся относительно на одинаковом уровне мышления, имеют полную возможность общаться полноценно, открывая глубинный и тайный смысл данного языкового выражения. И поэтому появится возможность сократить многочисленные языковые единицы, или наоборот можно распространённо высказать краткую форму фразеологии. Это и есть типический случай общения.

Парные слова имеют рифму, и образованы для произношения и прослушания. И этим становятся названиями верхнего уровня чем обычное слово /denomination/.

Если изучить парные параллелизмы и слова, связанные с ними, входящие в состав фразеологизмов в монгольском языке и бурятском диалекте, то можно выделить следующую структуру:

А. Парные слова + глагол

Б. Парные слова + существительные

Если изучить эти парные слова, и связанные с ними существительные и глаголы, и их форму и смысл – это очень интересно и практично. Эти исследования будут полезны для познания причин возникновения и выявить его закономерности и найти их глубинный смысл. В этой синтетической структуре проявляется мировоззрение народа- носителя данного диалекта, его вещественная и духовная культура, их опыт познания мира.

1. **“Тара талхаяа бараха”** /Смысл этой фразеологии: Тамир тэнхээгээ барах, хамаг байдгаа дуусгах”/. Перевод: Тратить все силы, кончить все запасы/. Она активно употребляется в разговорной речи

у бурятгов. Но в словаре не зафиксировано. По всей видимости образована не в столь далёкие времена.

2. **“Зара запылха болохо /болоод ло/”**. Прямое значение таково: “чуть ли не делать рекламу, не записать в книжку”.

3. **Буха еэхэ ажал/юүмэн**

- Бух- бык, глава стада, главный виновник размножения

В бурятском диалекте есть такие фразы:

- Буха еэхэ хүүргэ - большой мост

- Буха еэхэ арсалдаан- большая битва

4. **Тэргэ шарга мүргэн алдаха** – торопиться, чуть не споткнуться за телегу.

Таким образом, в бурятском диалекте и в монгольском языке много парных слов входят в состав фразеологизмов и становятся единицей языка. При этом они имеют переносное значение и иногда их значение становятся распространённым. В них проявляется природа, где они живут, жизненный уклад и особенности мышления бурятгов.

Выводы:

1. Парные слова и фразеологизмы имеют двойной абстрагированный смысл. Поэтому объяснить их смысл не так легко. Особенно комментировать смысл синтетической структуры фразеологии, в состав которых есть парные слова- ещё труднее. Поэтому важна разработка метода комментирования для таких случаев. Он необходим для правильного понимания смысла и структуры данной языковой единицы.

2. Разгадка смысла и установление причин данных парных слов, состоящих в составе фразеологизмов, приводит к вопросам как они отражают жизненный уклад и особенности мышления бурятского народа и как в них использованы метод сравнения, и перенос смысла.

3. Образование парных слов – очень сложное явление. Почему именно эти слова седиинены? На этот вопрос ответить трудно. Их можно относить к мыслительной и речевой деятельности человека. Эти парные слова очень экономичны и образны, в них отражается знание и жизненный опыт, особенности психики данной национальности.

**О.М.Ковалевскийн Монгол нутагт:
аян замын тэмдэглэл ба өнөөгийн төрх**

Нэрт эрдэмтэн, монгол судлаач О.М. Ковалевский 1830-1831 онд Оросоос Монгол нутгаар дамжин Хятад нутагт зорчсон билээ. Түүний аялалын тэмдэглэл дэх Монгол нутгийн тухай мэдээлэл маш баялаг юм. Тийм учраас бид бүхэн түүний Монгол нутгаар явсан замын дагуу хээрийн судалгаа хийсэн бөгөөд замын тэмдэглэлд дурдагдах газрын нэр, өнөөгийн өнгө төрхийн тухай угсаатны судалгааг явуулсан болно. Тийм учраас О.М.Ковалевскийн аялалын мөрөөр явсан тэмдэглэл, баримтад тулгуурлан 180 гару жилийн дараахь Монгол орон болон нэрт Монгол судлаачын аялалын мэдээг харьцуулан судалсан илтгэлийг хэлэлцүүлэх болно. Тус илтгэлд нэрт Монголч эрдэмтэн хэрхэн чухал мэдээлэл тэмдэглэн үлдээсэн болох, тухайн үеийн Монголчуудын ахуй амьдрал ямар байсан, өнөөдөр ямар байгаа зэргийг харьцуулан судалсан болно.

Н.В. Ямпольская

DOI 10.25882/t1z9-qz91

**Об идентификации фрагментов монгольских рукописных
Ганджуров**

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, научный проект № 18-012-00376 «“Золотые” рукописные фрагменты из джунгарских монастырей – уникальный источник по истории буддийского Канона в Монголии: комплексное историко-филологическое исследование и подготовка к изданию».

В коллекции Института восточных рукописей РАН, а также ряде собраний Петербурга и Европы (РНБ, Берлин, Вольфенбюттель, Галле, Кассель, Париж, Лондон, Глазго, Линчепинг) хранятся фрагменты трёх рукописей 113-томного собрания буддийских священных текстов Ганджур на монгольском языке. Рукописи, обнаруженные в первой половине XVIII в. в заброшенных джунгарских монастырях Прииртышья, представляют собой разрозненные листы из разных томов Ганджура:

1. «Золотая» рукопись: золотые чернила на чёрно-синем фоне, 63,7×22,8 см, 34 лл.

2. «Рукопись I»: чёрные и красные чернила на неокрашенной бумаге, 64×23 см, 794 лл.

3. «Рукопись II»: чёрные и красные чернила на неокрашенной бумаге, 71×25 см, 479 лл.

Несмотря на фрагментарную сохранность, каждый из этих списков представляет большую ценность как уникальный источник XVII в. по истории рецепции буддийского канона монголами. Начиная с 2014 г. рукописи введены в научный оборот, идёт работа по идентификации разрозненных фрагментов. В монголоведении принято говорить о двух редакциях Ганджура: первой-рукописной (Ганджур Лигдан-хана, 1629 г.) и второй-ксилографической (Ганджур Канси, 1720 г.). Все три рукописи датированы XVII в. и определены как относящиеся к первой редакции. Однако, в то время как все обнаруженные на сегодняшний день 34 фрагмента «Золотой» рукописи были полностью отождествлены, многократно превосходящие их количеством фрагменты рукописей I и II подверглись лишь первоначальному, поверхностному текстологическому сличению, и в данный момент продолжается работа по их идентификации.

Последние исследования показали, что первая редакция не так однородна по структуре и составу, как предполагалось ранее. Цель исследования фрагментов рукописей I и II — точнее определить структуру и состав этих двух списков и установить отличия между версиями, относящимися к одной редакции. Для осуществления этой задачи необходимо идентифицировать каждый фрагмент текста. Точкой опоры служат фрагменты, на которых присутствуют маркеры начала и конца глав или разделов отдельных сочинений в составе тома. Путём сопоставления этих фрагментов с полным текстом первой редакции (рукопись Ганджура из собрания СПбГУ — единственный известный сегодня полный список) удаётся примерно определить местоположение остальных фрагментов того же тома.

На данный момент идентифицированные фрагменты показывают, что в целом структура томов в рукописях I и II идентична структуре петербургской рукописи. Исключением является том *nga* раздела Тантра, который отличается по структуре и составу от петербургской рукописи и совпадает с Ганджуром, хранящимся в Монгольской государственной библиотеке (г. Улан-Батор). Сделанные наблюдения дают основания считать, что это более архаичная версия, к которой

принадлежит самая ранняя из известных сегодня рукописей буддийского канона на монгольском языке — «Золотой Ганджур» Лигдан-хана (Академия общественных наук, г. Хух-хото, КНР).

Н.С. Яхонтова

DOI 10.25882/4jp9-c510

Материалы О.М. Ковалевского в рукописном фонде ИВР РАН

Казань была известным центром монголоведения до открытия Восточного факультета в Санкт-Петербургском университете в 1855 г. Тогда из Казанского университета преподавание монголоведных дисциплин было переведено в Санкт-Петербург, и туда же была передана вся коллекция монгольских рукописей и ксилографов. Известно, что существенную часть этих материалов составляла коллекция О.М. Ковалевского, которую Казанский университет приобрёл у него в 1835 году. Однако, несколько текстов, которые несомненно принадлежали О.М. Ковалевскому, после 1835 года оставались в Казани, и сейчас хранятся в Институте восточных рукописей РАН.

Все монгольские тексты, поступившие из Казанского университета, описаны в каталоге В.Л. Успенского (с соответствующим указанием), опубликованном в 1999 году. Он же в статье «Коллекция О.М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета» (2004) постарался определить судьбу тех 189 книг, список которых опубликовал О.М. Ковалевский еще в 1834 г.

Свою коллекцию О.М. Ковалевский собрал во время своей длительной командировки в Сибирь (1828-1833), когда он побывал в Иркутске, Бурятии, Урге, Пекине, и везде собирал, копировал, приобретал, получал в дар многочисленные монгольские сочинения, которые затем составили существенную часть библиотеки Казанского университета. В нее вошли тексты необходимые для обучения, в первую очередь, разнообразные словари и грамматики, а также большое количество книг буддийского содержания, в основном пекинских ксилографов, которые до него не были известны ученому миру.

После закрытия монголоведной кафедры в Казанском университете обучение монгольскому языку продолжалось в Казанской духовной академии, в библиотеке которой также имелись рукописи и ксилографы на монгольском языке. После революции 1917 г. Академия была закрыта и, по счастливому стечению обстоятельств, рукописи и ксилографы на монгольском и тибетском языках попали в Азиатский музей (теперь ИВР РАН). В отчете Азиатского Музея за 1928 г., хранящимся в архиве института, сказано: «Чрезвычайную ценность представляет собой вышеупомянутое собрание б. Духовной Академии в Казани, переданное АМ с разрешения Наркомпроса Татарской Республики. Получением его АМ обязан стараниям сотрудника I разряда М.Н. Соколова, при затруднительных условиях отобравшему их и доставившему в АМ» (АВ ИВР РАН, Ф. 152, оп. 1а, д. 124, л. 23).

В Рукописном фонде ИВР РАН хранится инвентарная книга, в которую в декабре 1927 года были занесены 613 единиц хранения на монгольском языке с пометкой «из Казани». В каталог монгольской части рукописного фонда ИВР РАН, составленный А.Г. Сазыкиным в 1998-2003 г., вошло около 500 текстов, поступивших из Казанской духовной академии, которые составляют отдельную коллекцию («Коллекция КДА») в составе фонда. Тематическая подборка сочинений, так же как и в собрании Казанского университета, в коллекции Казанской духовной академии отражает цели ее формирования - обучение языкам и знакомство с буддизмом по оригинальным источникам. Поэтому в составе коллекции представлены, в основном, богословские (по терминологии 19 века) сочинения: только канонических, из монгольского Ганджура, более 50 текстов.

На некоторых текстах, привезенных из Казанской духовной академии, и хранящихся ныне в ИВР РАН, есть пометки, которые свидетельствуют, что первоначально они принадлежали О.М. Ковалевскому. Очевидно, что эти немногие сочинения по какой-то причине не вошли в коллекцию, приобретенную у него Казанским университетом, а попали в библиотеку Казанской духовной академии, а затем в ИВР РАН. Все эти сочинения рукописи или ксилографы небольшого размера (как по формату, так и по количеству листов).

На небольшом пекинском ксилографе (1712 г.) двух сочинений «Краткая редакция “Стотысячной Праджняпарамиты”» и «Сутра о происхождении и пользе чтения краткой редакции “Стотысячной Праджняпарамиты”», на обложке под рамкой, в которой напечатано название, очень мелким почерком написаны инициалы J.S.K., то есть

Józef Szczepan Kowalewski. Также на пекинском ксилографе молитвы-воскурения в таком же месте на обложке и так же мелко и аккуратно написаны инициалы и фамилия J.S. Kowalewski.

На трех небольших раннепечатных бурятских ксилографах рукой О.М. Ковалевского написано, где и как были приобретены эти тексты. На тексте благопожелания о распространении буддийского учения написано, что он был получен от А.В. Игумнова, который сопровождал его в поездке по Забайкалью: «от А.В. Игумнова 1828.XI.19. Сия книжка тиснена деревянными досками при Гусиноозерских капищах», на сборнике десяти дхарани из Ганджура написано: «Напечатано при Цонгольских кумирнях 8-го мая 1829 г.», на тексте молитвы вероисповедания написано: «Получ. от Данчжин-Чойван-Дорчжия-Цзамцуева - 9-го апреля 1829 года, при Гусиноозерских кумирнях. Осип Ковалевский.» На рукописи с текстом буддийского катехизиса написано «Подар. от Ширету Ламы Лопсан Дампил Дылыкова при Цонгольских кумирнях, 10-го мая 1829 года. - Осип Ковалевский». Еще одна рукопись была подарена О.М. Ковалевскому А. Фроловым. На обложке тетради с пословицами написано: «Г. Ковалевскому в знак памяти - А. Фролов. 29-го апреля 1829 г.»

Есть еще одна деталь: на пяти текстах из тех, на которых сделаны надписи рукой О.М. Ковалевского, мелким аккуратным почерком по центру над названием написан номер. На перечисленных выше текстах стоят № 200, и № 292-295 (номера нет только у сочинения, полученного от А.В. Игумнова). Вряд ли это простое совпадение, и можно предположить, что и порядковый номер был поставлен также О.М. Ковалевским. Более определенно сказать о происхождении этих номеров можно будет, если аналогичные номера стоят и на каких-нибудь из текстов, которые сейчас хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского университета.

Список участников конференции

№	ФИО	ГОРОД, ВУЗ	ДОЛЖНОСТЬ	КОНТАКТЫ
1	Алексеев Кирилл Всеволодович	Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский ГУ	Старший преподаватель	+79213577110 kvalexeev@gmail.com
2	Аликберова Альфия Рафиковна	Казань, Казанский федеральный университет	Зав.кафедрой алтаистики и китаеведения	alfiakasimova@gmail.com
3	Аязбекова Джамиле Скандарбековна	Астана, Евразийский Национальный Университет имени Л.Н.Гумилева	Докторант	d.ayazbekova@mail.ru
4	Аязбекова Сабина Шариповна	Астана, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Казахстанский филиал	Д. фил. наук, академик JASHE (Международная Академия Науки и Высшего Образования, Великобритания), профессор	+7-701-910-88-62 ayazbekova@mail.ru
5	Бальжинимаева Баярма Дашидондоковна	Улан-Удэ, Бурятский государственный университет	К. фил. наук, И.о. зав.каф. филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского	89833385929 bairka2002@list.ru

			государ- ственного университета	
6	Билгүүдэй Га- дамбын	Монголия, Улан- Батор, Институт языка и литера- туры МАН	К. фил. наук, директор	976-11-99005402/ Fax. (976-11) 451762 gaabilguudei@ gmail.com
7	Бичеев Баазр Александрович	Элиста, Кал- мыцкий научный центр РАН	Ведущий научный со- трудник Д. фил. наук	+7 9613945564 bazar@mail.ru
8	Будажарова Ла- риса Батуевна	Улан-Удэ, Бу- рятский государ- ственный уни- верситет	К.фил.наук, доцент, док- торант ка- федры рус- ского языка и общего язы- кознания	89021662850 budlara@ mail.ru
9	Булгутова Ири- на Владимиров- на	Улан-Удэ, Бу- рятский государ- ственный уни- верситет	К. фил. наук, доцент.	8-964-409-77-56 irabulgutova@ mail.ru
10	Валеев Рамиль Миргасимович,	Казань, Казан- ский федераль- ный университет	Д. ист. наук, профессор	89872969099 Valeev200655@m ail.ru
11	Ганбат Ням- дагийн	Монголия, Улан- Батор, Институт истории и архео- логии МАН	Зам. дирек- тора, про- фессор, д. ист. н.	jjjgee01@yahoo. com
12	Гмир Серафим Сергеевич	Республика Бел- ларусь, г.п. Олекшицы, ГУО «Олекшицкая средняя школа»	Учащийся 11 класса	8-015-11-73-5-83 gsv12350@ gmail.com
13	Гроховский Па- вел Леонович	Санкт-Петербург Санкт- Петербургский ГУ	К. фил. наук, доцент	+7 904 331 51 84 plgr@mail.ru

14	Дацышен Владимир Григорьевич	Новосибирск Сибирский ФУ	Д. ист. наук, профессор, зав. кафедры всеобщей истории	dazishen@mail.ru
15	Елихина Юлия Игоревна	Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж,	К. ист. наук, ведущий научный сотрудник, хранитель тибетской, монгольской и хотанской коллекций	8951 663 22 07 julia-elikhina@yandex.ru
16	Жуков Вадим Юрьевич	Санкт-Петербург, СПбГАСУ	К. ист. наук, доцент специалист по связям с общественностью	+7 (950) 034-82-95 gratis2002@inbox.ru
17	Кульганек Ирина Владимировна,	Санкт - Петербург, Институт восточных рукописей	Д. фил. наук, зав. сектором Центральной Азии ИВР РАН	kulgan@inbox.ru
18	Лувсанцэрэн Цэрэнчимэд	Улан – Батор, Университет Образования Монголии	Д. фил. наук (Ph.D), преподаватель	+976 99120527 L.zulaa@yahoo.com
19	Лю Жомэй	Пекин, Пекинский университет иностранных языков	Д. фил. наук, профессор	0086-13910202836 ruomeiliu@126.com
20	Мартишевич Татьяна Дмитриевна	Республика Беларусь, г.п. Б.Берестовица, ГУК "Берестовицкая районная библиотека им. О. М. Ковалевского	Директор библиотеки	berest-lib@tut.by

21	Мартынов Дмитрий Евге- ньевич	Казань, Казан- ский федераль- ный университет	Д. ист. Наук, профессор	dmitrymartynov80 @mail.ru
22	Меняев Бадма Викторович	Элиста, Кал- мыцкий научный центр РАН	Научный сотрудник	89613947724 bmeyaev@mail.ru
23	Миргалеев Иль- нур Мидхатович	Казань, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института исто- рии им. Ш. Мар- джани АН РТ	К. ист. наук, руководитель центра	dilnur1976@ mail.ru
24	Носов Дмитрий Алексеевич	Санкт- Петербург, Ин- ститут восточ- ных рукописей РАН	К. фил. наук, научный со- трудник	8-921-309-18-04 dnosov@mail.ru
25	Орлова Кемя Владимировна	Институт восто- коведения РАН, Москва	Д. ист. наук ведущий научный со- трудник,	8-906-726-09-77; orlovnk@mail.ru
26	Пан Татьяна Александровна	Санкт- Петербург, Ин- ститут восточ- ных рукописей РАН	К. ист. н., зав. отделом Дальнего Востока, старший научный со- трудник	ptatiana@inbox.ru
27	Петрова Мария Павловна	Санкт- Петербург, Санкт- Петербургский государственный университет	К. фил. наук, доцент	+7911-190-96-53 mariap2001@ mail.ru

28	Полянская Оксана Николаевна	Улан-Удэ, Бурятский государственный университет	К. ист. наук, доцент	89148416208 polgrab@mail.ru
29	Румак Галина Владимировна	Республика Беларусь, аг. Олекшицы, ГУО «Олекшицкая средняя школа»	Учитель	8-015-11-45-5-03 galina-jivica@mail.ru
30	Ситдиков Айрат Габитович	Казань, Казанский федеральный университет	Директор Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия, профессор	sitdikov_a@mail.ru
31	Трофимова Светлана Менкеновна	Элиста, Калмыцкий ГУ имени Б.Б. Городовикова	Д. фил. наук, профессор	8 917 680 95 48 trofimovasm@mail.ru
32	Успенский Владимир Леонидович	Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет	Д. ист. наук, профессор	+7-921-4066-142 erdem108@gmail.com
33	Хабунова Евдокия Эрендженовна	Элиста, Калмыцкий ГУ имени Б.Б. Городовикова	Директор МНЦ «Культурное наследие монгольских народов», д. фил. наук	89093969054; khabunova@mail.ru
34	Хайрутдинов Рамиль Равилович	Казань, Казанский федеральный университет	Директор Института международных отношений	ramilh64@mail.ru

35	Халхарова Лариса Цымжитовна	Улан-Удэ, Бурятский государственный университет	К.фил. наук, доцент, старший научный сотрудник	89246543772 Gloria_66@mail.ru
36	Хань Ли	КНР, Ланьчжоу, университет Ланьчжоу	Д. фил. наук, доцент	7-900-630-80-02 zhezhe7999@163.com
37	Харанутова Дарима Шагдуровна	Улан-Удэ, Бурятский ГУ	Д. фил. наук, доцент	89149879100 dkharanutova@mail.ru
38	Хаутала Роман	Казань, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ	Старший научный сотрудник, доцент	romanhautala@gmail.com
39	Цендина Анна Дамдиновна	Москва Российский государственный гуманитарный университет	Д. фил. наук, профессор	89165524816 annatsendina@hotmail.com
40	Чикун Валентина Иосифовна	Республика Беларусь, г.п. Б.Берестовица, ГУК "Берестовицкая районная библиотека им. О.М. Ковалевского	Заведующая отделом обслуживания и информации Берестовицкой районной библиотеки им. О.М. Ковалевского	berest-lib@tut.by
41	Чуллун Сампилдондовын	Монголия, Улан-Батор, Институт истории и Археологии МАН	Директор, д. ист. наук, профессор	+976- 99098310 samchuluun@gmail.com

42	Энхбат Мунхцэцэг	Монголия, Улан- Батор, Институт языка и литера- туры МАН.	К.фил.наук, научный со- трудник	+976 9101 0011 ilha_0011@ mail.ru
43	Ямпольская Наталья Васи- льевна	Санкт- Петербург, Ин- ститут восточ- ных рукописей РАН	Ph. D., научный со- трудник	+79118272750 nataliayampolskay a@yandex.ru
44	Яхонтова Ната- лия Сергеевна	Санкт- Петербург, Ин- ститут восточ- ных рукописей РАН	К.фил.н., старший научный со- трудник	+7 921 3688998 nyakhontova@ mail.ru